

INSPIRIA

ФРИДА
ШИБЕК

КНИЖНЫЙ

клуб

НА КРАЮ
СВЕТА

ДЛЯ ПОДНЯТИЯ
НАСТРОЕНИЯ –
ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ
КНИГ ГОДА

Amelia Magazine

INSPIRIA

Novel. Чистая эмоция. Романы Фриды Шибек

Фрида Шибек

Книжный клуб на краю света

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

Шибек Ф.

Книжный клуб на краю света / Ф. Шибек — «Эксмо»,
2018 — (Novel. Чистая эмоция. Романы Фриды Шибек)

ISBN 978-5-04-173270-7

Роман от Фриды Шибек, известной шведской писательницы и номинантки «Der LovelyBooks Leserpreis», одной из главных премий Германии за вклад в художественную литературу. Это был солнечный майский день. Мадлен решила изменить жизнь и ради этого отправилась буквально на «конец света» – отдаленное шведское побережье, чтобы присоединиться к местной церкви. Что бы там ни произошло, вскоре она исчезла. Проходит время. Патрисия, сестра Мадлен, получает по почте конверт с кулоном пропавшей. Отправление анонимно, но оно вселяет в Патрисию надежду. Она решает следовать путем сестры. Возможно, отыскать ее. Побережье встречает Патрисию красивыми видами. И интересными людьми. Обаятельная хозяйка отеля, члены местного книжного клуба, прихожане церкви и ее пастор – кто из них знал Мадлен? Патрисии предстоит разгадать непростую загадку. Но какое это имеет отношение к секретам, что хранит внешне тихий шведский городок уже не один десяток лет?

УДК 821.113.6-31

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-173270-7

© Шибек Ф., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

1	6
2	10
3	14
4	23
5	27
6	35
7	39
8	42
9	45
10	47
11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Фрида Шибек

Книжный клуб на краю света

© Крестовская Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Тильде и Кларе

1

Среда, 29 мая

Когда Патрисия Слоэйн открывает продолговатый почтовый ящик у дороги и вынимает свежую почту, белый конверт вначале остается незамеченным. Она берет под мышку маленькую стопку писем, газет и рекламных листов, опускает красный флажок и идет к воротам.

Еще только май, а жара уже накрыла Шарлотсвилл плотным покрывалом. Газон высох и пожелтел, а земля по всему двору покрылась трещинами от засухи.

Патрисия опирается на белый столб ворот, чтобы перевести дух. День в средней школе Маккинзи, где она работает, выдался на редкость длинным. Утро началось с того, что сработала противопожарная сигнализация, прервав урок полового воспитания и психологии совместной жизни у учеников восьмого класса.

Конечно, Патрисия знала, что тревога ложная. Она видела, как Деннис Род пробежал по коридору с зажженной зажигалкой в руке. Но на всякий случай им все равно пришлось эвакуироваться, а заставить пятьсот подростков построиться на футбольном поле немногим сложнее, чем прогнать стадо взволновавшихся бизонов через безнадежно узкий загон.

Женщина устало растирает ноющее плечо. Естественно, пауза привела к тому, что остаток урока по половому воспитанию и психологии совместной жизни восьмиклашки пропустили, к бурному возмущению учителя биологии господина Альвареса. Преподаватель беспокоился, что ученики прослушали только первую, информативную часть его лекции, пропустив вторую, посвященную последствиям, как он выразился, «безответственного использования репродуктивной системы», и требовал немедленного пересмотра расписания, чтобы закончить урок. Патрисии захотелось ответить биологу, что ему следовало бы задуматься о собственном безответственном использовании лосьона после бритья, но вместо этого ей удалось связаться с математиком и убедить его отдать тридцать минут своего урока господину Альваресу.

К этому времени часы уже пробили десять, и Патрисия выбивалась из графика, не выполнив намеченные на утро дела. Сорок пять минут спустя, как раз когда она вновь начинала обрывать контроль над ситуацией, в приемную, зажав нос двумя пальцами, вошла Рэйчел Морган. Девочка была одета в физкультурную форму, а над сползшими гольфами красовались ссадины.

– Подсечка, – пробормотала она.

К несчастью, именно в этот момент Патрисия глубоко погрузилась в один из километровых отчетов директора о расходовании материальных ресурсов трудовым коллективом, и ее угораздило переспросить:

– Что ты сказала?

После этого девочка разжала пальцы, и из носа прямо на коврик с эмблемой школы у двери в приемную хлынула кровь.

Патрисия не придумала ничего лучше, чем сорвать с плеч свой любимый платок и вытереть им лицо Рэйчел, одновременно пытаясь разыскать школьную медсестру. Но госпожа Флетчер, как обычно, была на курсах, и в конце концов Патрисии пришлось самой вламываться в медкабинет. Когда она, спустя немало времени, отпустила бедняжку Рэйчел восвояси с двумя ватными тампонами в носу, прозвенел звонок на обед.

– Если бы ты только знал, какой у меня выдался день, – говорит Патрисия, приветствуя великана-лабрадора по имени Барри, который встречает ее у ворот. Барри радостно мотает головой, и Патрисия улыбается. Она никогда не рискнула бы жить на ферме в Мил Крик одна, если бы не пес. Барри – не только сторожевая собака, он еще обеспечивает компанию, когда ей одиноко.

Весело помахивая хвостом, пес короткими прыжками следует за Патрисией на веранду, где она усаживается на синие качели.

Легкий ветерок, пробегающий по полям, приятно обдувает Патрисию, пока она просматривает и сортирует почту, собирая в небольшие стопки. Счета откладывает отдельно, рекламу ближайшего сельского магазина оставляет лежать вместе со свежим номером журнала «Акры». В руке остается только один белый конверт. Он маленького размера, адресат аккуратно выведен черными чернилами, штемпель заграничный.

Патрисия переворачивает конверт, изучая его. Отправитель не указан. Она редко получает рукописные письма и поэтому вначале думает, что письмо на самом деле адресовано Тому и Юнайс, живущим через два дома от нее. Они распахнули двери своего дома ученикам по обмену, и последние десять лет там по году гостит молодежь из Голландии, Франции и Германии, чтобы познать настоящую американскую школьную жизнь. Патрисия никогда не понимала, почему семьи, у которых достаточно средств, чтобы отправить своих детей учиться за границей, выбирают Мил Крик, но готова предположить, что игры в бутылочку и пивной пинг-понг можно назвать развивающими, если играть в них в англоязычной среде. Однако адресатом письма была указана она, а не Том с Юнайс.

Патрисия пытается вскрыть белый конверт, но он крепко заклеен и не поддается, а ей с дороги хочется пить. Войдя в дом, она достает из холодильника графин, наливает себе чаю со льдом, прихватывает нож, чтобы вскрыть конверт, и возвращается во двор.

Открытая нараспашку дверь в красный сарай ударяет по стенке от порывов ветра. Постройку пора красить – краска выцвела от солнца и начала шелушиться, – но у Патрисии нет ни времени, ни денег для решения этой проблемы.

Она окидывает усталым взглядом поле. Окрестности совсем не изменились со времен ее детства. На ветру шелестят зеленые табачные листья, а за ними, вокруг блестящего на солнце соседского элеватора, желтеет пшеница.

Патрисия обмахивается газетой. Ее крошечное хозяйство никогда не могло сравниться с угодьями Хендерсона, а в последние годы она и вовсе свела его на нет. Большая часть унаследованной от родителей земли распродана, коровы и свиньи ушли с молотка, пришлось избавиться даже от всего оборудования, которое имело хотя бы какую-то ценность на вторичном рынке. Она охотно продолжала бы держать скот, но в одиночку с таким хозяйством не справиться. Единственное, что оставила Патрисия, – это несколько кур и овощной островок, где растут тыквы, томаты и фасоль, но звуков и запахов скотного двора ей все-таки не хватает.

Иногда Патрисия задумывается, что бы случилось, решишь она покинуть ферму. Никогда не предполагалось, что она останется здесь, но после того, как тридцать лет назад исчезла ее младшая сестра Маделен, Патрисия не смогла расстаться с унаследованным хозяйством.

Взглянув на деревянную спинку качелей, на которой вырезаны буквы «М» и «П», она вздыхает. В детстве их всегда было двое. Они проводили все свое время вместе, а повзрослев, Патрисия доверяла Маделен самое сокровенное. Покинув родительский дом, Патрисия обычно звонила сестре каждое воскресенье. Лежа в постели и наматывая на пальцы скрученные провода телефонных аппаратов, они могли часами беседовать, подробно обсуждая все, что случилось за неделю. Каждый рассказ Патрисии о неудачном свидании или каком-нибудь неловком происшествии в колледже вызывал такой залиvistый смех Маделен, что отец начинал колотить в стенку.

Поэтому, когда Маделен призналась, что получила место практикантки в Свободной церкви где-то в шведской деревне, Патрисия испытала не только радость. Конечно, она понимала, что для сестры это – шанс посмотреть мир и узнать страну, откуда приехала мать, но и оставаться одной, без Маделен, ей не хотелось. Теперь их будет разделять целый океан.

Патрисия качает головой. При воспоминании о последней встрече с сестрой глаза вновь наполняют слезы. Она сама отвезла Маделен на вокзал в Шарлотсвилле. Сестра выглядела

такой счастливой. В ее взгляде сияло ожидание, она радостно махала из вагона. Знай Патрисия, чем это закончится, не дала бы сестре уехать, но она просто помахала в ответ.

Рука тянется к вырезанным на спинке качелей буквам. Странное испытываешь чувство, когда теряешь близкого человека, но еще более странно не знать, что с ним произошло. Маделен исчезла, не прожив в той деревне и двух месяцев. Однажды она просто упаковала вещи и ушла из церкви, не сказав, куда направляется, и с тех пор ее больше никто не видел.

Отогнав грустные мысли, Патрисия берет письмо. Очки для чтения лежат в сумке, но достать их нет сил, поэтому она прищуривается, пытается разобрать текст. На марке изображена королева в серо-синем одеянии, с короной на голове.

Ощупывая конверт, Патрисия равнодушно рассматривает буквы почтового штемпеля: ШВЕЦИЯ.

Патрисия вздрагивает. Ей пришло письмо из Швеции?

Быстрым движением она вставляет нож в уголок конверта и вскрывает его. Сердце колотится в груди, пока Патрисия опускает палец внутрь, но, к своему удивлению, письма не обнаруживает. Пусто. Хотя нет, там все-таки что-то лежит и выскальзывает, когда она переворачивает конверт.

Патрисия смотрит на тоненькую цепочку, упавшую в ладонь. Внезапно ей становится дурно, она не знает, куда деваться. Внутренний голос призывает ее подняться и бежать прочь, но Патрисия застывает на месте.

С дрожью она поднимает цепочку, повернув ее к солнцу. Серебро слегка поблескивает, взад-вперед покачивается маленький кулон в форме ноты.

Патрисия перебирает цепочку и узнает ее, несмотря на то что не видела больше трех десятков лет.

Медленно приблизив к глазам, внимательно рассматривает кулон. Почва будто сразу уходит из-под ног. Это украшение она купила в подарок Маделен, когда той исполнилось восемнадцать. Оно было на сестре в день отъезда в Швецию.

Патрисия закрывает глаза, пытаясь привести в порядок бурлящие в голове мысли. Неужели это правда цепочка Маделен, и зачем тогда кто-то отправил ее? Получается, кому-то известно, что случилось с сестрой?

Только когда Барри тихонько толкает Патрисию, она поднимает глаза. Встав с места, плетется на кухню. Дома почти так же жарко, как во дворе; открыв кран, Патрисия подставляет лицо под струю воды.

От стекающей по щеке холодной влаги перехватывает дыхание. Барри уселся рядом на коврик. Он полон ожидания, будто рассчитывает, что покормят.

Потянувшись за кухонным полотенцем, Патрисия вытирает лицо. Пытается выбросить цепочку из головы, но не может оторвать от нее взгляда. Она совершенно сбита с толку.

Больше половины жизни Патрисия ломала голову над тем, что могло произойти с младшей сестрой. Она выдумывала все возможные сценарии, чтобы объяснить исчезновение Маделен, но ни один из них не позволил смириться с ситуацией. Над ней постоянно висит тень неизвестности, вопросы не отпускают. Кажется, от такого горя невозможно освободиться, оно всегда с тобой, словно рана, зияющая в сердце.

Патрисия гладит мягкую шерсть Барри. Внезапно она чувствует полную эмоциональную опустошенность. Если отправителю цепочки что-то известно, нужно попытаться его найти. Но как узнать, кто отправил письмо?

Несмотря на то, что для ужина еще рановато, женщина насыпает Барри сухой корм. Радостно помахивая хвостом, пес набрасывается на еду, как только хозяйка успевает поставить перед ним миску.

Патрисия смотрит на своего питомца. Много лет она просила, умоляла судьбу дать ей знак, а сейчас, наконец получив его, удивительно равнодушна.

– Полагаю, нужно ехать в Швецию, – ровным голосом говорит она Барри. – Похоже, пора вернуться туда и еще раз попытаться найти Маделен.

Барри отрывается от миски и смотрит на хозяйку своими добрыми глазами так, что на долю секунды ей кажется, будто он понимает ее чувства. Потом отворачивается, возвращаясь к подушечкам со вкусом печени.

2

Суббота, 8 июня

Ручка на радиоприемнике разболталась, но ровно в 07.54, когда должны передавать сводку погоды на суше и в море, Эви начинает вращать ее, и раздается щелчок. Приемнику не больше десяти лет, а он уже начинает барахлить, Эви знает, что пройдет совсем немного времени и ей придется ехать на автобусе в город за новым. Поездки в город она ненавидит.

Первое мгновение в эфире тишина, потом раздается мужской голос метеоролога, который представляется слушателям. Эви вздыхает. Иногда она задумывается, как набирают этих людей, зачитывающих сводки погоды. Специально подыскивают таких, чтобы голос попротивнее? Быть может, цель «Радио Швеции» – усыпить слушателей прогнозом погоды, и это какой-то эксперимент?

Метеоролог говорит протяжно. Кажется, будто он только что проснулся и зачитывает сводку, одновременно размышляя, как долго ему варить яйца к завтраку: «Мне ведь нравится жидкий желток; с другой стороны, яйцо, сваренное вкрутую, можно нарезать и положить на бутерброд. Кстати, видимость в южной части Балтийского моря хорошая, осадков не ожидается, ветер северо-западный, 7—11 метров в секунду, к полудню затихающий, уровень воды без изменений».

Эви крепко сжимает ручку и торопливо пишет в записной книжке. Упустить ничего нельзя, потому что следующий морской прогноз выйдет в эфир только в 12.55.

Закончив, она отпивает кофе; взгляд скользит по пейзажу за окном. Хорошие погодные условия еще вовсе не означают, что вероятность несчастных случаев уменьшается. Напротив, чем лучше погода, тем выше риски, потому что больше людей устремляется к морю.

Пока Эви готовит себе бутерброды – намазывает два хрустящих хлебца маслом и печеночным паштетом и выкладывает поверх нарезанный кружочками огурец, – снаружи раздается какой-то шум. Кто-то скребется в дверь, затем тишину нарушает громкое мяуканье. Эви со стоном поднимается из-за стола и ковыляет в прихожую.

На крыльце стоит Саба, потягиваясь в лучах утреннего солнца. Похоже, кошка ничуть не смущается оттого, что гуляла всю ночь. Вместо этого она лукаво помахивает черным хвостом, будто желая сказать: «Ну вот, королева изволила вернуться домой».

Приоткрыв дверь, Эви глядит на кошку, а та как ни в чем не бывало таращится на хозяйку.

– Ладно, марш в дом, – бормочет хозяйка, позволяя кошке проскользнуть в приоткрытую дверь.

Саба запрыгивает на свободный стул у кухонного стола, и Эви, поставив перед ней тарелку, делится печеночным паштетом.

Пока они завтракают в тишине, хозяйка думает, что это лучший момент всего дня. На пару минут, ощущая, как во рту тает паштет и рассыпается хлебец, она погружается в свои мысли. Но потом снаружи доносятся новые звуки. Кто-то стучит в соседнюю дверь, и Эви с ужасом бросает взгляд на часы. Как, уже половина девятого?

Она закрывает крышкой баночку с паштетом. Обычно к этому времени ее завтрак уже закончен, но сегодня Эви позволила себе посидеть чуть дольше из-за этого проклятого артроза. Когда болит колено, трудно передвигаться, и, подсознательно избегая резкой боли, она сидит дольше положенного.

– Кыш на пол! – шипит Эви на кошку, одновременно пытаясь занавесить шторкой открытое окно. Но нет, поздно. Юсуф уже стоит под окном и машет.

– Доброе утро! – радостно здоровается он. На нем, как всегда по утрам, коричневая рубашка, зеленая куртка и брюки цвета хаки длиной чуть ниже колен, отчего он выглядит еще ниже, чем на самом деле.

Эви укоризненно смотрит на него.

– Ты заслоняешь мне вид.

– Извиняюсь, – мямлит Юсуф, быстро отступая на шаг в сторону. – На самом деле, я просто хотел сказать...

Он сбивается, а Эви возводит глаза к небу.

– Ну, и что же ты хотел сказать?

– Что... что Саба ночевала на моем балконе. Уже не первый раз.

Эви хватается за голову. Они с Юсуфом уже лет десять как живут в соседних домах, но, несмотря на многолетние намеки, он так и не понял, что она ни капли не заинтересована в общении с ним. Диву даешься, насколько многие в этой деревне напрочь лишены социальных навыков.

– Вот как? И что, по-твоему, я должна с этим сделать? Не спать всю ночь и ее караулить, так, что ли?

Юсуф смущенно поеживается, маленькая злобная такса по имени Мелькер крутится у него под ногами.

– Да нет, конечно.

Эви вздыхает.

– Не корми ее, и проблема решится сама собой.

– Но я ведь всего раз это сделал, когда ты лежала в больнице, – протестует Юсуф.

Доевшая свою порцию паштета Саба довольно урчит, словно прекрасно понимая, что натворила. Эви начинает убирать со стола.

– У меня сейчас больше нет времени разговаривать, – решительно замечает она.

– Нет-нет, – кивает Юсуф в ответ. – У тебя обход.

– Вот именно.

Он дергает Мелькера за поводок.

– Но по крайней мере, сегодня хорошая погода, – пытается сгладить впечатление Юсуф.

– Не факт, что на весь день.

– Нет конечно.

Поднявшись, Эви глядит на соседа до тех пор, пока тому не хватает ума удалиться.

– Позже еще увидимся, – кричит ей Юсуф.

– Если только я не успею тебя заметить первой, – отвечает она, но такса уже утащила хозяина так далеко, что он не расслышит. – Я думаю, сегодня именно такой день – успею, – бормочет Эви и встречается взглядом с Сабой. – Как насчет взбитых сливок на десерт?

Из-за боли в колене на утренний обход уходит больше времени, чем обычно. Наконец закончив, она, прихрамывая, ковыляет по тропинке, ведущей обратно, на главную дорогу. Саба вышагивает рядом. Она всегда отправляется с Эви на обход, незаметно отстает на пару шагов и осматривает просторы, будто на секретном заании.

Каждое утро повторяется одна и та же процедура. Вначале Эви проверяет, хорошо ли закреплен крюк, на котором висит спасательный круг, потом – не попадают ли прямые солнечные лучи на спасательный трос, на месте ли спасательный шест и цел ли сигнальный вымпел.

Случается иногда, что какой-нибудь ненормальный подросток, пытаясь произвести впечатление на товарищей, бросит спасательный круг в воду, и тогда Эви приходится вытаскивать его на сушу, заодно проверяя, не поврежден ли он.

Эви сама вызвалась отвечать за спасательное оборудование деревни, но благодарить ее за это никто не спешит. Несколько лет она пыталась убедить деревенский совет приобрести

для патрулирования прибрежного залива спасательный плот и еще предлагала разместить на южной оконечности причала дополнительную спасательную лестницу, вот только совет всегда отказывает ей без лишних рассуждений.

Рука Эви в кармане сжимается в кулак. При одной только мысли о совете она начинает злиться. Похоже, председатель совета Альф звезд с неба не хватает. Он утверждает, что течение у причала слабое, поэтому достаточно одного круга, хотя все знают, что поток воды обладает переменчивой силой и вдобавок может унести в открытое море. Эви хотелось бы столкнуть Альфа в воду с южного конца причала и посмотреть, выберется ли он с помощью одного лишь круга, но пока она не придумала, как заманить его на залив.

Впрочем, обычно Эви не обращает внимания на всякие пустяки. Утро сегодня красивое, и, преодолевая последний отрезок пути до центра, она чувствует, как солнце греет лицо.

Вдалеке виден отель BV&B¹ «У Моны». Желтое причудливое здание старинной капитанской усадьбы с точеными карнизами и изящными резными наличниками утопает в зелени сада в конце главной улицы. Эви знакома с хозяйкой с тех пор, как переехала в Юсшер в начале восьмидесятых. Мона ужасно бестолкова и постоянно задает одни и те же вопросы:

– Как ты себя чувствуешь?

– Да так себе, колено болит.

– Ой, а как твое колено?

Прямо сказка о белом бычке! Но она – одна из немногих, чье общество Эви еще выносит.

Прежде, чем перейти через дорогу, Эви бросает косой взгляд на гостиницу. Когда Мона впервые поделилась идеей переименовать старый отель своих родителей в «Ночлег, завтрак и книги у Моны», Эви обрадовалась. Она представляла себе, как в Юсшер устремятся интересующиеся литературой туристы, как на большой застекленной веранде можно будет устраивать читательские конференции и увлекательные встречи с писателями.

К сожалению, Монины запросы оказались значительно проще. Она хотела наполнить дом книгами прежде всего потому, что это *мило* смотрится, так что в Юсшер с тех пор охотно приезжают гости, которые не слыхали ни про Фолкнера, ни про Пруста.

Эви прижимает руку к больному колену. Она не хочет ссориться с Моной, поэтому больше этот вопрос не поднимает, но BV&B, совершенно очевидно, не использует весь свой потенциал. Зайдешь туда, и кажется, будто попал в дом страдающего деменцией библиотекаря. Правда, даже старый, выживающий из ума помощник библиотекаря ввел бы какое-то подобие системы, а у Моны книги разбросаны как попало – на подоконниках среди диковинных комнатных растений, на журнальных столиках рядом с поеденными молью креслами, под каждым декоративным блюдом или статуэткой. Добавьте к этому шторы и скатерти, сшитые из разнородных кусков ткани, стеклянные вазочки ручной работы с барахолки, старые жестяные банки с крышками и стоящие повсюду разномастные подсвечники. Мягко говоря, несуразно, а еще Мона везде выставляет свои сушеные водоросли в мисках в форме зверушек. Неужели какой-нибудь уважающий себя литературовед будет перекусывать водорослями из миски в виде розового фламинго?

Чем больше Эви об этом думает, тем сильнее начинает волноваться. За все время Моне не удалось организовать ни одного литературного салона. Однажды она почти уже уговорила приехать одного датского писателя, но у того воспалилась косточка на стопе, и он был вынужден отменить приезд, несмотря на обещанный Моной неограниченный доступ к услугам врача и пожизненное снабжение фиксаторами для большого пальца ноги.

Нужно отдать должное: встречи книжного клуба Мона изредка проводила, однако Эви была о них не очень высокого мнения. Вначале она посетила пару раз клуб, но все эти банальные обсуждения быстро утомили ее. Члены клуба часто уделяли больше внимания вопросу,

¹ Сокращение от англ. Bed, Breakfast & Books – ночлег, завтрак и книги. (Здесь и далее – прим. перев.)

какое вино они будут пить на встрече, чем самой книге, а многие и вовсе нахально пользовались случаем, чтобы вместо сюжета произведения и развития характеров поговорить о личных проблемах. Когда сама тратишь несколько часов на глубокий анализ прочитанного и готова поделиться своими выводами, очень неловко сидеть и выслушивать разомлевшую от красного вина менеджера страховой компании с домашней химической завивкой, которая рыдает оттого, что какая-то, видите ли, группа АВБА перестала выступать.

В последний раз Эви украдкой принесла в клуб часы с секундомером: как она и опасалась, разговору о выбранной книге посвятили всего одиннадцать процентов времени. К тому же дамочка с химической завивкой объявила, что для обсуждения на следующей встрече она выбрала «Долину лошадей»², и Эви решила выйти из клуба.

Она качает головой. Ее по-прежнему тошнит при мысли о низкокачественной литературе, которую пришлось бы читать. Эви, конечно, готова жертвовать ради Моны, только ведь всему есть свои пределы.

Перейдя через дорогу, она уже собирается свернуть к отелю, но внезапно замечает идущую навстречу женщину. Эви прячется за углом дома. Их разделяют метров тридцать, впрочем, прохожую можно узнать безошибочно. Это Мариан, на высоченных шпильках и в тесно облегающем платье, похожем на бандаж.

Непонятно, почему Мариан добровольно напяливает на себя эти туфли и вообще что она делает в Юсшере в таком одеянии. Пусть бы и оставалась в своих Штатах, раз ей там так нравится. Прислонившись к стене, Эви чувствует, как об ноги трется догнавшая ее Саба.

Похоже, Мариан идет к Моне, но останавливается, потому что сумочка начинает пищать. Привычным движением выуживает мобильный и прижимает к уху.

Эви ухмыляется. Некоторые, похоже, чувствуют себя такими важными особами, что все время должны оставаться на связи. Ей самой, например, никогда не придет в голову приобрести такой вот переносной телефон. Если кто-нибудь захочет поговорить, прекрасно может позвониться по домашнему.

Она вздыхает: хотела купить булочки с водорослями, но теперь ни за что туда не пойдет, пока Мариан ошивается у отеля. Эви ненавидит Мариан с тех пор, как та снесла дом своих родителей и построила эту ужасную виллу, закрывающую вид на море. Самодовольная и высокомерная «мадам всезнайка», как сказал бы Вольтер. И ума нет, и вести себя прилично не умеет.

Разозлившись, Эви отворачивается. Ей не понять, чем Юсшер привлекает неприкаянные души. Кажется, здесь собрались все дебилы мира, и Эви серьезно опасается, что скоро останется единственным вменяемым человеком в своей несчастной деревне.

² Дж. М. Ауэл. Долина лошадей. – М.: Азбука, 2021.

3

Поправив зеркало заднего вида, Эрика смотрит на Лину, сидящую с планшетом на коленях. Встретившись глазами с дочкой, мать улыбается.

– Скоро приедем.

Лина кивает. Бедняжка не подозревает, что они так рано отправились в путь в первый же день летних каникул из-за провала маминого плана соблазнения.

Эрика обкусывает ноготь на мизинце. В подростковом возрасте она полагала, что, как только станет взрослой, вопрос секса решится сам собой. Ей представлялось, что он станет неотъемлемой частью повседневной жизни, как воскресные обеды или мойка окон. Кстати, если задуматься, у мойки окон и секса достаточно много общего – требуется энтузиазм и причудливые позы, но результатом остаешься довольна и думаешь: почему бы не делать это чаще?

Взгляд Эрики скользит по полям. Да, окна бы помыть действительно не помешало, но как успеть переделать все дела из бесконечно длинного списка? Соседка Хенриетта Шёльд рассказывала, что они используют скользящий график, чтобы выполнить важные задачи в срок. Соседский дом всегда выглядит безупречно: чистые окна, ухоженный сад, свежескошенные газоны. Хенриетта не забывает собрать детям еду, когда те выезжают куда-нибудь с классом, украсить дом перед праздниками или сменить резину по сезону. Надо полагать, что их с Адамом сексуальная жизнь тоже безупречна и гарантированно внесена в график вместе с мойкой окон.

Их обгоняет «Мерседес» на слишком высокой скорости, и Эрика испуганно вцепляется в руль так, что машину ведет в сторону. Сердце уходит в пятки, и она снова бросает взгляд на Лину, которая, похоже, ничего не заметила.

Осторожно снижает скорость и делает глубокий вдох. Вообще-то Эрика терпеть не может вести машину на дальние расстояния. Вначале предполагалось, что они поедут вместе, всей семьей, и тогда за руль, как обычно, сел бы Мартин. Но в этом году у него слишком много работы в аудиторской конторе. «Поезжайте, – сказал он, не поднимая глаз от компьютера, – я приеду за вами следом, как только закончу». А их старшая дочка Эмма устроилась на первую в своей жизни летнюю работу. Будет собирать клубнику на ферме в нескольких километрах от дома.

Она вонзает ногти в руль. Времена переменялись. Эмма взрослеет, и Эрика понимает, что пятнадцатилетняя девушка уже не хочет проводить отпуск с родителями. Но все равно ей обидно, что они не смогли вместе отдохнуть этим летом. Эрика мечтала в последний раз собрать всю семью в отеле своей матери.

Опять разгоняется. Гостиница «У Моны» существует с тех пор, когда Эрика была ребенком. Это центр культурной жизни Юшера – люди собираются здесь ради светской беседы и знаменитых булочек и хлеба, которые печет ее мать; к тому же это единственное место в деревне, где можно переночевать. В дни былого величия отеля многие приезжали сюда издаля, чтобы поужинать на красивой застекленной веранде, отметить крестины, дни рождения и сезонные торжества, только сегодня все меньше гостей приезжает на крошечный пляжный курорт.

Через дорогу стремглав проносится заяц, но прежде, чем Эрика успевает сказать что-нибудь Лине, его уже и след простыл. Одна из причин, почему ей здесь нравится – близость к природе. Юшер расположен в необычайно красивом месте, словно спрятанная у моря жемчужина среди колышущихся полей и ремесленных мастерских Эстерлена³. Но Эрика понимает, что матери очень тяжело руководить отелем в одиночку. За последние месяцы ее здоровье

³ Эстерлен – прибрежный регион Швеции в юго-восточной части провинции Сконе.

ухудшилось. Эрике несколько раз звонили мамины соседи и сообщали, что мать подвергает себя опасности. Прошлой осенью она забыла на плите кастрюлю с молоком, и на кухне начался пожар, а двумя неделями позже забралась на крышу проверить, не застряла ли птица в дымоходе, и не могла спуститься вниз. Мало того, Мона еще и болеет. Всю зиму к ней цеплялись сменявшие одна другую инфекции, и в феврале ее положили в больницу, потому что температура не хотела спадать и антибиотики не помогали.

От этих мыслей Эрику бросает в дрожь. Тяжко слышать все эти печальные известия, находясь в двухстах километрах от матери и не имея возможности ничего предпринять. Каждый раз, когда Моне становилось плохо, Эрика предлагала приехать, но мать ясно давала понять, что в помощи не нуждается. «Тебе своих забот хватает», – говорила она, и, конечно, это правда. Когда дом постоянно требует ремонта, оба супруга работают на полную ставку и воспитывают пятилетку и подростка, времени всегда в обрез, хотя, естественно, Эрика нашла бы способ помочь матери, если бы та попросила.

Она вздыхает. Последние пять лет легкими точно не назовешь. Вскоре после рождения Лины, во время отпуска по уходу за ребенком, Мартин организовал собственное дело, и, кажется, с тех самых пор они практически не разговаривают друг с другом. Ее супруг будто намертво приклеен к своему компьютеру. То ему надо сдавать годовые отчеты, то рассчитывать зарплаты, чтобы успеть в срок, то заполнять декларации.

Когда Мартин впервые рассказал ей о своей идее стать индивидуальным предпринимателем, она подумала, что он затеял это ради гибкого рабочего графика, но теперь муж работает в два раза больше, чем раньше. В последнее время Мартин занят настолько сильно, что даже ночует в офисе, и Эрика не может вспомнить, когда в последний раз они делили постель. Или мыли окна, с горечью думает она.

До того как начать свое дело, Мартин считал главным в жизни семью, и они с Эрикой и Эммой проводили все длинные выходные в Юсшере. Помогали Моне, когда в отель заезжало много гостей: заправляли кровати, убирали номера, мыли посуду и готовили завтрак. И несмотря на то, что помощь требовала сил, им всегда бывало весело вместе. Это их семейная традиция: упаковаться всем в машину, доехать до Сконе и провести несколько дней среди красивой природы юго-восточного побережья.

Но, похоже, те времена ушли в прошлое, и дочь не перестает думать о матери, которой, кстати, скоро исполнится шестьдесят восемь. Эрика боится, что мать не выдержит еще год болезней и хромающих финансов. К тому же старинная семейная недвижимость продолжает ветшать. Надо перекрашивать дом, циклевать полы и латать крышу, а средств на ремонт у Моны нет. Поэтому было бы разумно выставить отель на продажу именно сейчас, в разгар высокого сезона, пока здание не обветшало еще сильнее.

Эрика сворачивает на Восточное прибрежное шоссе и проезжает мимо ячменного поля, меняющего свой цвет из зеленого в маслянисто-желтый. Она знает, что мать думает о продаже. Пять поколений семьи владели капитанской усадьбой, и какое-то время они с Мартином всерьез рассматривали возможность взять на себя управление отелем. Правда, это было давно. Сейчас муж отказывается даже обсуждать эту тему. Вся жизнь Мартина сосредоточена в Хальмстаде. Ни он, ни Эмма и мысли не допускают о переезде, да и самой Эрике нравится городская жизнь, хотя она не всегда готова в этом признаться. Другими словами, ей придется убедить мать не только уйти на пенсию, но и расстаться с семейной недвижимостью, а такое легче сказать, чем сделать.

Когда они въезжают в Юсшер, светит солнце. Эрика до сих пор не определилась, что чувствует в связи со вчерашним провалом. Часть ее полагает, что во всем виноват Мартин, а другая обдумывает, не слишком ли большое значение она сама этому придает. Может, она ведет себя эмоциональнее обычного? Может, всему виной гормоны?

В Эстерлене всегда намного светлее; припарковавшись, Эрика замуривает глаза и решает больше не пережевывать случившееся. Во всем мире нет другого места, где ей было бы так же хорошо, как здесь, – она ощущает себя в родной стихии, становится спокойной и уверенной. Каждый раз, возвращаясь в Юшпер, Эрика расправляет плечи так, что они опускаются сразу на несколько сантиметров вниз, и сейчас она, пользуясь случаем, делает глубокий вдох прежде, чем открыть автомобильную дверь Лине и взять из багажника сумки.

Отель все тот же, и Лина пулей влетает в кафе, которое одновременно служит гостиничным холлом. Мона стоит за серо-зеленым прилавком. На ней стандартная униформа из ярких, плотно облегающих брюк и блузки с крупными цветами; увидев Лину, она все бросает и распакивает объятия навстречу внучке.

– Как вы быстро! Наверное, гнали всю дорогу, – говорит Мона.

– Да, – отвечает Лина. – И мама меня рано подняла.

– Значит, ты точно успела проголодаться. Как насчет свежеиспеченной булочки?

Кивнув, Лина вскарабкивается на барный стул, пока Эрика обходит прилавок и обнимает мать.

– Привет, мама. Как жизнь?

– Спасибо, все хорошо. Только спина немного болит.

– Ой, бедная моя.

– Да ладно, ничего страшного, – отвечает мать, отмахиваясь и задевая рукой какую-то вещьцу, которая висит у нее на шее и начинает качаться словно маятник.

– Что это у тебя? – удивленно интересуется Эрика.

– Это? – переспрашивает Мона и берет лупу на длинном шнурке. – Мне так легче разоб-
рать текст, напечатанный мелким шрифтом.

– Но, мама, – вздыхает Эрика. – Ты же знаешь, что есть такая штука, называется очки?

– Ну нет, не настолько же я старая, – протестует Мона. – Я прекрасно обхожусь лупой. И кстати, она недорого стоила. Знаешь, во сколько обойдется пара очков? За одно только обследование несколько сотен крон придется выложить.

Эрика умолкает. Ей грустно из-за того, что Мона полагает, будто не может позволить себе приобрести даже пару очков, хотя они явно нужны. Может быть, имеет смысл сразу поднять вопрос о продаже отеля.

– Знаешь, мама, я тут подумала... – начинает она, когда открывается дверь и заходит Дорис. Заметив Лину и Эрику, гостя расплывается в улыбке.

– Привет! Как здорово, что вы приехали.

– Привет, Дорис! Заходи, я как раз собиралась заварить кофе, – приветствует ее Мона.

Эрика здоровается с подругой матери, та садится с ней рядом. Дорис всегда была немного чудаковатой, но добродушной и за годы знакомства связала массу шапочек и носков для дочерей Эрики.

– У тебя все в порядке? – интересуется она.

– Да, в полном, а ты как поживаешь?

– Спасибо, все хорошо, – отвечает Дорис, поворачиваясь к Моне. – Ты знала, что Альф завел себе новую девушку?

– Нет, как ему это удалось?

– Не знаю. Но Бритт рассказала, что он начал носить корсет. Похоже, чтобы живот подтянуть. И волосы покрасил. Они у него теперь цвета воронова крыла, а усы все равно седые.

– Ничего себе, – замечает Мона, разрезая булочку.

– Бритт говорит, Альф подумывает, не купить ли ему «Ямаху», – прыскает от смеха Дорис. – Так что, не ровен час, явится сюда в кожаном обмундировании.

Эрика улыбается разговору, одновременно осматриваясь по сторонам. Ее мать – первоклассный коллекционер: гостиница полна сокровищ. Лина может часами тут бродить, все

время обнаруживая что-то новое – маленькие фарфоровые фигурки, пепельницы с красивыми камушками, старые головоломки, дорожные сумки с латунными пряжками, набитые экзотическими предметами гардероба, пожелтевшие комиксы и ситцевые веера, благоухающие лавандой. Юшер значительно меньше Хальмстада. Здесь практически нет транспорта на дорогах, поэтому Эрике не нужно отслеживать каждый шаг Лины.

– Ешь на здоровье, – говорит Мона, протягивая Лине булочку с маслом, сыром и джемом.

– Хватит одной, а то испортишь аппетит перед обедом, – одергивает дочь Эрика.

Мать наливает ей чашку кофе.

– Они же очень полезные, – парирует Мона. – Я добавляю в тесто водоросли. И ты попробуй! Тебе надо отъедаться.

Эрика возводит глаза к небу. Она делает вид, что ее раздражают мамины замечания о том, что нужно больше есть, но втайне ей приятно, когда ее балуют вкусеньким.

– Водоросли? Зачем?

– Они богаты питательными веществами. А еще их тут пруд пруди. Я заготавливаю в больших количествах. Скоро сама увидишь!

Обернувшись, она шарит в шкафу, пока не находит две банки.

– Я замариновала пузырчатый фукус, – продолжает Мона, выставляя одну банку на стол. – С тмином и семенами фенхеля. А это сушеная ламинария сахаристая.

– Она теперь во все водоросли добавляет, – вступает в беседу Дорис, откинув назад свою длинную седую косу. – Что мы ели на прошлой неделе?

– Уху с морским салатом и бурыми водорослями.

– Очень вкусно, – кивает Дорис.

Округлое лицо Моны светится от радости. Нет для нее ничего приятнее похвалы кулинарным способностям.

– Кстати, меня тут на днях посетила одна идея. Не пора ли нам опять собрать книжный клуб, как думаете?

– Разве он не расформирован? – удивленно спрашивает Эрика.

– Нет, – возражает Мона. – Мы просто взяли паузу на пару лет, но сейчас я жажду запустить его заново.

– Да! – восклицает с восторгом в глазах Дорис. – Я с удовольствием!

– Это здорово. Я еще Ингу спросила, но ей трудно читать из-за катаракты, а аудиокниги она не любит. А Анси переехала в Мальмё, чтобы помочь дочери с близнецами.

– Но на меня можешь рассчитывать, – говорит Дорис, поправляя желтый солнцезащитный козырек, который с трудом держится в ее густых волосах. – Хотя мы должны ввести некие правила. Я не люблю книги, в которых слишком много насилия.

– Да, я тоже такое не люблю, – поддерживает ее Мона. – Но эротика подойдет, правда?

Лина, у которой развито чутье на реплики, не предназначенные для ее ушей, сразу встрепенулась.

– Что такое эротика? – спрашивает она, склонив набок свою ангельскую головку.

– Ничего, – спешит ответить Эрика.

– Ну нет, мама, должно же это слово что-то означать! Я хочу знать, что именно, – повторяет девочка уже не совсем по-ангельски.

– Это слово для взрослых, – объясняет Эрика. – Если перестанешь спрашивать, можешь взять еще одну булочку.

Похоже, Лина сделкой довольна, и Эрика радуется про себя, что дочь пока еще легко уговорить.

– Не знаю, – бормочет Дорис. – А если тетки из клуба рукоделия узнают, что мы читаем *о сексе*?

– Если кому-то в жизни и нужно было больше секса, так это как раз им, – возражает Мона. – Но нам вовсе не обязательно читать книги, которые вызывают у тебя неловкость. Можешь выбрать первую книгу для обсуждения, пожалуйста.

Дорис на секунду задумывается.

– Я, кстати, как раз собиралась перечитать «Гордость и предубеждение».

– Прекрасно! Мама подарила мне ее в школьные годы, но я уже пятьдесят лет в нее не заглядывала, – говорит Мона. – Будет так здорово. Обещаю приготовить что-нибудь вкусное к первому заседанию нашего клуба.

Когда над дверью звенит колокольчик, извещающая о приходе посетителя, Эрика оборачивается и видит высокую статную женщину с волосами цвета платины и стрижкой по последней моде. Проходит пара секунд, прежде чем Эрика узнает ее, за это время Мона успевает выбежать из-за прилавка.

– Мариан! – кричит она, раскрывая объятия.

Женщина в белом дизайнерском платье торжественно улыбается, посылая Моне два воздушных поцелуя.

– Мона, дорогая! – восклицает она, сдвигая на лоб крупные солнцезащитные очки черного цвета.

– Какой сюрприз! Когда ты вернулась?

– Этой ночью. Знала бы ты, какая выдалась поездка, – говорит женщина с едва заметной гримасой на лице. – Во-первых, на борту закончились маски для сна. В бизнес-классе, представляешь! Я сказала стюардессе, что у меня, между прочим, есть золотая карта клуба лояльности, но, похоже, это не имело никакого значения. Потом они подали холодную рыбу, а в довершение всего, когда мы приземлились в Копенгагене, оказалось, что сумка из моего багажа пропала. Как раз та, где лежали все мои средства для ухода за волосами, – добавляет она тише. – «Мы приносим свои извинения», – сказали мне на стойке выдачи багажа. Будто их извинения чем-то мне помогут, когда фотографы-папарацци обнаружат, что я здесь.

– Да, неприятная ситуация, – говорит Мона, жестом приглашая к прилавку. – Могу ли я угостить тебя кофе с булочками?

Мариан проводит рукой по аккуратно уложенной прическе.

– Булочки я не ем, а от кофе не откажусь. Если он экологически чистый.

– Это кофе из жестяной банки, – объясняет Мона с улыбкой на лице. – Меня приехали навестить дочь Эрика и внучка Лина. Ну, а с Дорис ты знакома.

Поздоровавшись, Мариан присаживается. Эрика рассматривает ее, пока та поправляет свое белое платье и забрасывает ногу на ногу. Она помнит, какой переполох случился раньше в Юшере, когда Мариан возвращалась домой. Рассказы маминой подруги детства о приключениях в Голливуде всегда звучали так увлекательно.

– Ну вот, – говорит Мона, поставив перед подругой чашку кофе. – Теперь ты дома, можно вздохнуть спокойно.

– Да ладно, это все не страшно, – отвечает Мариан. – Мне нравится волноваться. Волнение ускоряет обмен веществ, можно поменьше заниматься на беговой дорожке завтра утром.

– Как дела у Франка? – спрашивает Мона, отставляя в сторону кофейник. – Он мне так понравился в этом фильме про космос.

– Да, немногим удастся убедить режиссера разрешить сниматься с обнаженным торсом, разгуливая по космической станции, – сухо отвечает Мариан. – Честно говоря, я давно с ним не разговаривала. Сейчас мы общаемся исключительно через наших адвокатов.

Мона закрывает рот рукой.

– Неужели вы решили...

– Развестись. Потому что лучше не стало, – спокойно говорит Мариан, помешивая кофе.

– Как грустно это слышать. Франк казался таким...

– Красавцем? – дополняет Мариан, слегка махнув рукой, будто пытаясь избавиться от назойливой мухи. – К сожалению, чистильщик бассейна тоже так полагал. И массажист. И мой лучший аудитор.

Мона широко открывает глаза от удивления.

– Ты ведь это несерьезно?

– К сожалению, адвокат запретил мне комментировать случившееся. Одно могу сказать: даже если Франк попадет под автобус, ни один нерв у меня не дрогнет. А вот результаты развернутого анализа его налоговых платежей меня радуют, – замечает она с улыбкой. – И, похоже, в налоговую инспекцию кто-то на условиях анонимности недавно сообщил, что у Франка есть тайные счета на Каймановых островах. – Чувствуя себя обязанной включить в разговор не проронившую ни слова Дорис, Мариан оборачивается к ней: – А ты как нынче поживаешь?

– Хорошо, – растерянно говорит Дорис, но ее реплика скорее похожа на вопрос, чем на ответ.

– Дел невпроворот? – интересуется Мариан, отпивая глоток кофе. – Я знаю, каково это. Ни отдыха, ни минуты покоя. То наращивание ресниц, то криолиполиз, то кроссфит. Сказать откровенно, я начинаю уставать от такого. Мне нужен настоящий отпуск, а поездка в Сен-Тропе вылилась только в лишний стресс. Я жду сейчас сценарии и от Спилберга, и от Скорсезе, а пока они не пришли, хочу позволить себе взять настоящую паузу.

– Ты останешься здесь? – интересуется Мона, подвигая к ней блюдо с булочками.

Мариан берет идеально закругленную булочку и начинает крутить ее в ухоженной руке с аккуратным маникюром.

– Да, по крайней мере, до конца лета. Джордж и Амаль приглашали меня погостить у них, в доме на озере Комо. Похоже, Боб Де Ниро и Мерил очень хотели, чтобы я приехала. Да, мы снимались вместе в одном фильме, но это было чертовски давно, – объясняет она Дорис. – И я, честно говоря, собиралась к ним поехать, но потом услышала, что Тома Хэнкса они тоже пригласили, и тогда я решила плюнуть, – говорит она, презрительно скривив верхнюю губу.

– Вот как? Почему? – с любопытством спрашивает Мона. – Они с Франком тоже?..

– Нет, ничего такого. Просто все полагают, будто Том чрезвычайно приятный, а я считаю, что успех слегка вскружил ему голову. О чем бы ни шла речь, он обязательно упомянет, что получил двух «Оскаров», но ведь с тех пор уже прошло больше четверти века! «Чего тебе удалось добиться в последние годы?» – думаю я обычно, когда Том начинает болтать о том, каким средством начищает до блеска свои статуэтки. – Мариан качает головой. – Думаю, будет к лучшему, если я останусь здесь ненадолго. Мне нужно хотя бы пару недель пожить нормальной жизнью и попытаться немного сбавить обороты.

Эрика видит, как ее мать расплывается в широкой улыбке, и сразу понимает, что ее задачу теперь будет выполнить в десятки раз труднее.

– Потрясающая новость! Как я рада!

Мариан откусывает крошечный кусочек булочки.

– Мне будет полезно заняться тем, что делают обычные люди, а не мотаться по всему свету, – уверенно заявляет она.

– Ты можешь присоединиться к нашему книжному клубу! – восклицает Мона.

Дорис краснеет до корней волос, но сохраняет молчание.

– А кто еще в вашем клубе?

– Пока только мы – я и Дорис. Ах, все будет совсем как раньше, – радостно заливается Мона. – Помните, как мы лежали на причале и читали книги о Китти?⁴

Мариан барабанит по столу ярко-красными ногтями.

⁴ Американская серия книг коллектива авторов о девушке-детективе Нэнси Дрю, которую начали переводить на шведский в 1950-е годы; при переводе главной героине дали имя Китти.

– Хорошо, – задумчиво отвечает она. – Мне нужно чем-то себя занять. Но тогда, думаю, нам надо устроить настоящее открытие, с напитками и закусками.

– Ну конечно, – щебечет Мона. – Приходи после обеда, и все в деталях распланируем. Мы хотели начать с «Гордости и предубеждения».

– Я, кстати, никогда ее не читала.

– Это прекрасный выбор, – говорит Мона, легонько толкая Дорис в бок.

Встав с места, Мариан помахивает наполовину съеденной булочкой.

– Будь добра, скажи мне, что в этой выпечке нет масла.

– Почти нисколько, – улыбается Мона, но Эрика замечает, что мать скрещивает пальцы за спиной.

Надев солнцезащитные очки, Мариан на прощанье машет рукой, как нынче делают только дети и члены королевских семей.

– Чао! – кричит она, исчезая за дверью отеля.

Эрика хочет высказаться, но Дорис опережает ее. Она похожа на перегретую скороварку, которая в любую минуту взорвется.

– Зачем ты это сделала?

– Что именно? – спрашивает Мона и непонимающе качает головой.

– Пригласила ее в книжный клуб.

– А что в этом такого?

– Неужели ты и правда веришь, что она хочет с нами общаться? – вопрошает Дорис, вскидывая руки. – У нас ведь уже практически нет ничего общего!

– Но, Дорис, мы же старые друзья.

– Скорее *бывшие* друзья. Когда Мариан в последний раз с тобой связывалась?

– Признаться, не помню, – отвечает Мона, пожимая плечами.

– В том-то и дело. Я не хочу показаться невежливой, но просто я так нервничаю каждый раз, когда она появляется. В присутствии Мариан я начинаю чувствовать себя... инопланетным пришельцем.

– Да ладно тебе, – говорит Мона, положив руку на плечо Дорис. – Нам будет очень весело, обещаю, совсем как раньше.

– Вовсе не думаю, – бормочет Дорис.

– Ну пожалуйста, дай нашему клубу шанс!

Вздыхнув, Дорис опускает голову, и рассмотреть ее лицо можно теперь только сквозь желтый козырек кепки.

– Ради меня, – продолжает Мона.

– Ну хорошо, – в конце концов соглашается та. – *Единственный* шанс. Но если Мариан начнет говорить о том, какой воск использует, чтобы очистить от растительности линию бикини, как было при предыдущей встрече, я просто уйду отсюда.

– А Мариан не планирует выйти на пенсию, как думаешь? – интересуется Эрика. – Мне показалось, она начинает уставать от такой жизни. Ей ведь тоже в этом году шестьдесят восемь стукнет?

– Но вовсе не обязательно выходить на пенсию только потому, что тебе больше шестидесяти, – говорит Мона. – Я, например, не собираюсь покидать мой отель никогда. Вам просто придется выносить меня отсюда вперед ногами, когда придет мой час.

Эрика больно прикусывает губу. Все пошло совсем не так, как она рассчитывала.

– Ведь пять поколений нашей семьи... – начинает Мона, одновременно протирая стол.

– ...здесь жили, – заканчивает фразу Эрика. – Да знаю, мама.

– Я вовсе не хочу зудеть, но мне грустно оттого, что твои дети лишены возможности вырасти в Юшпере, как ты выросла в свое время. Я могла бы помогать вам с Линой, и вы

могли бы проводить больше времени вместе. Ты же знаешь, что близость – это альфа и омега в сохранении брака.

– Но, мама, – стонет Эрика, думая, что ее сложное отношение к сексу возникло не на пустом месте.

– Я только хочу сказать, что вам нельзя забывать друг друга в хаосе, возникающем вокруг маленького ребенка. Я читала статью об одной паре, которая взяла за привычку...

– Хватит, мама, – выпаливает Эрика. – Ты обещала не вмешиваться в нашу совместную жизнь. Нам хорошо в Хальмстаде, и там у обоих есть работа. На что бы мы жили, переехав сюда?

– Вы могли бы работать со мной, в отеле.

– В твоём отеле всего шесть номеров. Пять человек на них не прокормишь. И здание к тому же пора ремонтировать.

– Между прочим, я расширила свой бизнес, – с обидой замечает Мона. – Вот уже несколько недель, как я готовлю и доставляю горячее питание пожилым людям в нашем муниципалитете. Месиво, которое привозили на грузовике из города, было невозможно есть, поэтому теперь я затеваю большую стряпню, а потом выезжаю с кастрюлями по адресам.

– Тебе не стоит так напрягаться.

– Старикам очень нравится, – встречает Дорис.

– Я считаю, из моих водорослей тоже выйдет что-нибудь путное! – продолжает Мона и так энергично показывает рукой на парадный вход, что висиящая у нее на шее лупа начинает раскачиваться из стороны в сторону. – Что скажете, если здесь, у самого входа, будет стоять стеллаж, наполненный продуктами из водорослей? Это поможет привлечь дополнительные средства!

Эрика нехотя кивает. Неизвестно, насколько прибылен бизнес с водорослями – вероятно, он более перспективен, чем прежняя мамина затея продавать вейкборды. Хотя, конечно, она приехала сюда попытаться убедить мать закрыть свое дело.

– Идея, безусловно, хорошая, – говорит дочь, пытаясь замять размолвку. – Но ты же знаешь, что семья Мартина живет в Халланде и у девочек там друзья. – Когда Мона демонстративно упирает руки в боки, Эрика откашливается. – Хотя, конечно, я подниму с ним этот вопрос... еще раз.

Она, сжавшись, откусывает булочку. Ее мать всегда считала себя своего рода экспертом в вопросах совместной жизни. Мона полагает, что проживание в отеле должно включать в себя элементы семейной терапии, и в подростковые годы Эрика часто стыдилась того, как ее мать легко раздает непрошенные советы. Когда другие мамы приглашали вечерами домой на фильм с попкорном или маникюр, Мона приглашала на разговор по душам о том, как с помощью кристаллов найти богиню в себе. И несмотря на то, что за столько лет Эрика уже свыклась с особенностями матери, ее до сих пор бросает в дрожь каждый раз, когда та хочет проконсультировать дочь в вопросах брака или вручить очередную балийскую статуэтку плодородия.

Доев булочки, Лина соскакивает со стула и обнимает Эрику за талию.

– Мама, можно мне идти?

– Конечно, но сначала поблагодари бабушку за угощение.

– Спасибо, бабушка, – говорит девочка.

– На здоровье, сердце мое, – смеясь, отвечает Мона. – В комнате «Диккенс» – ну, знаешь, в той, которая отделана в зеленых тонах, – стоит кофр с массой интересных вещей, которые я еще не успела разобрать.

Кивнув, Лина взлетает по лестнице.

– Мне пора, – говорит Дорис, убирая за собой посуду.

– Но ты же вернешься после обеда? – серьезно спрашивает ее Мона.

Похоже, Дорис задумывается над ответом, потом, смирившись, кивает.

– Только ради тебя, – отвечает она, покидая отель.

Мона остается за прилавком, чтобы убрать оставшиеся чашки.

– Мне пора заняться обедом, а ты посиди, тебе торопиться некуда, вскоре перекусим вместе.

– Но, мама, я могу тебе помочь.

– В этом нет необходимости. У тебя отпуск.

– Перестань. Скажи, что я могу сделать.

– Ну ладно, – вздыхает Мона. – Тогда можешь достать из духовки и упаковать алюминиевые контейнеры.

– Конечно. Я и обед могу отвезти, хочешь?

Мать отрицательно качает головой.

– Не получится. Ты не знаешь, куда его отвозить, и потом, все ожидают, что я привезу им еду.

– Но, мама, я хочу помочь тебе.

– Знаю, голубушка, – кивает Мона. – Можешь покараулить кассу, пока меня нет, чтобы не закрывать ее? Одному Богу известно, как мне нужна каждая крона, которую я могу заработать.

– Безусловно. Может, еще что-нибудь сделать?

– Можешь отварить спагетти к соусу болоньезе, который стоит на плите.

– Ладно, – соглашается Эрика.

– Ты же умеешь готовить спагетти?

– Умею, естественно.

Мона вешает сумочку через плечо.

– Надо не жалеть воды и соли, и варить на минутку меньше, чем указано на упаковке, еще оставь одну чашку воды, в которой они варились, и вылей на спагетти, когда будешь добавлять оливковое масло.

– Да, мама, – вздыхает Эрика.

– Возьми бутылку с дорогим маслом, нужен сорт «Экстра Вирджин».

– Конечно, – говорит Эрика, возводя глаза к небу. – Не беспокойся, я справлюсь.

Мона улыбается и, прежде чем выйти из дома, похлопывает Эрику по щеке.

– Как здорово, что вы приехали. Я вернусь через сорок пять минут, если будут вопросы, звони.

Когда Мона исчезает с упакованной горячей едой, Эрика замечает в углу помятый бидон для молока. Ее мать – заядлая посетительница барахолок, каждый год дом все больше наполняется хламом. Вдобавок она терпеть не может ничего выбрасывать, поэтому Эрика боится, что в один прекрасный день отель переполнится настолько, что входную дверь будет не закрыть.

Осмотревшись вокруг, она решает, что здесь вполне хватит места для стеллажа с продуктами на продажу, достаточно передвинуть несколько столиков. Может быть, даже уютно будет выглядеть, и Мона могла бы выставить туда еще что-нибудь симпатичное, чтобы привлечь покупателей. Но потом Эрика напоминает себе, что вовсе не собиралась поощрять новые идеи матери.

Она устало облокачивается на прилавок. Каким-то образом надо дать матери понять, что нельзя продолжать работать с такой же интенсивностью. Они обе любят старую усадьбу, но управлять отелем в одиночку – слишком тяжелый труд для Моны, и, чтобы сохранить здоровье и избежать боли, ей пора уходить на пенсию.

«Будь Мартин рядом, все было бы намного проще», – вздыхает Эрика.

Он один из немногих людей, к мнению которых Мона прислушивается. Но его рядом нет. Эрике придется справиться без его помощи. Вопрос только, как выполнить задуманное, не ранив материнских чувств.

4

Патрисия выходит из автобуса, который, отъезжая, поднимает облако пыли. Солнце стоит в зените; обернувшись, Патрисии приходится защищать рукой глаза от палящих лучей. Она с трудом понимает, что после такой дальней дороги вновь оказалась в Юшере.

Разложив ручку дорожной сумки, женщина пытается решить, в какую сторону идти, чтобы найти отель. В прошлый раз, когда Патрисия приезжала сюда, она остановилась в гостинице в Истаде и поехала в Юшер на арендованном автомобиле, но в этот раз она уже своей ошибки не повторит. В прокате были только машины с механической коробкой передач, и Патрисия, которая впервые села за руль такого автомобиля, с грехом пополам добралась до места по петляющей вдоль побережья дороге.

Маленькая главная улица поселка пустынна, но чуть поодаль она замечает киоск, и, похоже, работающий. Патрисия сначала решает пойти к киоску, но потом оборачивается, замечает море и инстинктивно понимает, что идти надо в противоположную сторону.

Она быстро идет по неровному тротуару. Ее взгляду открывается красивый серо-зеленый дом со ставнями цвета мха, который, как это ни странно, кажется ей знакомым. Возможно, она помнит его по предыдущему визиту или по одному из писем Маделен. До своего исчезновения сестра успела написать ей четыре письма, и Патрисия столько раз прочитала их, что помнит каждую строчку наизусть.

Она на секунду останавливается, чтобы перевести дух. Поездка выдалась утомительной, но женщина напоминает себе, что ей многое предстоит сделать. Незапланированный отпуск, о котором удалось договориться с начальником, продлится всего три недели. Мистер Марсен не особенно обрадовался необходимости передать все административные вопросы вечно жующему жвачку школьному ассистенту Марко. Правда, когда она пообещала, вернувшись назад, разрешить все потенциальные проблемы, которые теоретически могут возникнуть по вине Марко, и не просить при этом ни единого цента за переработки, он позволил ей уехать.

Перетащив дорожную сумку через кромку тротуара, Патрисия всматривается в темно-синее море. Стоит полный штиль, и отражающие небо морские просторы кажутся бесконечными. Вообще-то она должна ощущать себя здесь как дома. Ее мать выросла в Сконе, хотя со шведской родней Патрисия никогда не встречалась. По воспоминаниям, в детстве она переписывалась с бабушкой со стороны матери, но после смерти матери контакт с родственниками за океаном был утрачен.

Патрисия устало потирает глаза. Она плохо спала всю прошлую неделю. Письмо пробудило старые воспоминания, не дававшие уснуть. Закрыв глаза, Патрисия сразу видит перед собой Маделен: темные пружинящие от ходьбы локоны и этот озорной взгляд, который она обычно бросала на старшую сестру, когда отец жаловался на них за неубранную кухню или плохо очищенное стойло. Маделен всегда знала, как вернуть ему хорошее настроение. Достаточно ей было, склонив голову набок, сказать: «Прости, папочка» – как уголки отцовского рта вновь поднимались вверх.

Отпустив ручку дорожной сумки, Патрисия сжимает в кармане мобильный телефон. Несмотря на то, что улица пустынна, ее не покидает ощущение, что за ней наблюдают. Будто все эти темные окна в миленьких домишках обращены на нее.

Она окидывает взглядом живописную улицу. Подъезд к одному дому выложен булыжником, к другому – засыпан мраморной крошкой, а перед входом стоят вазоны с разноцветными ромашками.

Когда раздается сигнал мобильного, Патрисия видит сообщение от старшего сына Мэттью: «Ты доехала?» – интересуется он.

Слегка улыбается про себя. В Ричмонде сейчас совсем ранний час. Слишком рано для утра выходного дня, но у Мэттью двое маленьких детей, которые радостно поднимают его с рассветом.

«Ты уже проснулся?» – пишет она в ответ и рассказывает, что только что прибыла в Юшер и направляется к отелю BV&B «У Моны».

Мэттью присылает ей храпящий смайлик: Зоуи считает, что спать «скучно». Патрисия смеется. Зоуи – старшенькая, уверенная в себе четырехлетка с торчащими в разные стороны хвостиками, которая не признает других нарядов, кроме кружевной юбки.

«О нет, – пишет сыну Патрисия. – Скучаю по тебе!»

В течение пары минут сообщения не приходят, и Патрисия представляет себе, как Зоуи забралась с ножками на диван и просит у Мэттью вкусненькое: теплое молоко, банановые «монетки» и тосты с маслом и медом. Когда мобильный вновь пищит, она уже успела убрать его, но тут же достает обратно.

«Как ощущения?»

Из всей семьи Мэттью принял самое большое участие в ее поездке. Младший сын Джастин никогда не видел Маделен, а Мэттью до сих пор ее помнит.

«Странные», – пишет Патрисия, но потом, прежде чем отправить сообщение, меняет на «Все хорошо». Мэттью унаследовал ее эмоциональность, и она не хочет, чтобы сын волновался понапрасну.

Телефон замолчал. Признаться, Патрисии бы очень хотелось, чтобы кто-нибудь составил ей компанию в поездке. Странно находиться в Швеции в полном одиночестве, но она вряд ли могла попросить старшего сына разлучиться ради нее с семьей. Мэттью такой добрый, что, пожалуй, попроси она – согласился бы, но Патрисия знает, что его жена Дэнис не оценила бы такое решение.

Женщина убирает мобильный в карман и невольно вздыхает. Она изо всех сил старается полюбить невестку, но не может забыть, что именно Дэнис забрала у нее сына. Прежде чем Мэттью встретил свою будущую жену, Патрисия разговаривала с ним каждый день. К ней он обращался со всеми своими проблемами и первой сообщал радостные новости. Когда Мэттью получал высший балл за экзамен или становился лучшим сотрудником месяца в ресторане, где подрабатывал во время учебы, он звонил Патрисии, а теперь ему не хватает на это времени. К тому же Дэнис добавляет в яблочный пирог чеддер. Чеддер! Как до такого можно додуматься?

Патрисия вновь достает мобильный, чтобы посмотреть, не написал ли Мэттью что-нибудь еще, но новых сообщений нет. Она вновь вздыхает. Странное возникает чувство, когда находишься так далеко от семьи и Мил Крик. Старая ферма – это все, что оставили после себя родители Маделен и Патрисии. Стены помнят время, которое они провели вместе, и Патрисия никак не может решиться расстаться с ними. Она опасается последствий переезда, боится почувствовать, будто потеряла сестру еще раз.

Ее бывший муж Майкл долго пытался убедить ее выставить ферму на продажу. На самом деле это стало одной из главных причин их расставания. Майкл не хотел оставаться в Мил Крик. Никогда не предполагалось, что они останутся здесь навсегда, но все же так вышло.

Патрисия утирает слезы в уголках глаз. Трудно справляться с воспоминаниями о времени, наставшем после исчезновения Маделен. Вести фермерское хозяйство, одновременно ухаживая за двумя маленькими детьми, оказалось тяжело. Изначально они планировали вернуться в Вашингтон, как только Маделен будет готова взять на себя хозяйство, но потом она получила это место практикантки. Поэтому они договорились, что дадут ей еще год, а она не вернулась, и семья застряла в неопределенности.

Патрисия знала, что она несправедлива по отношению к Майклу. Муж несколько лет ждал ее и терпеливо пытался вернуть их семейную жизнь к заведенному порядку, однако сделать этого так и не удавалось.

На асфальте перед ней огромная выбоина, и у Патрисии мелькает мысль о том, что лучшие времена этого поселка, похоже, позади, как и ее собственные. Она испытала тяжелый удар, когда дети покинули дом. Решение Джастина оторваться от родной среды не стало для нее сюрпризом. Он всегда имел больше склонности к авантюризму по сравнению с братом и при первом удобном случае переехал в Нью-Йорк. Она надеялась на Мэттью, что он останется или, по крайней мере, будет жить поблизости. Вначале казалось, что так все и складывается. Ее старший сын решил учиться в Университете штата Вирджиния и нашел себе квартиру в Шарлотсвилле. А потом в его жизни появилась Дэнис, которой было уже недостаточно трехкомнатной квартиры в районе Баракс Рагби. Нет, она мечтала о дуплексе в Ричмонде с просторной кухней-гостиной, тремя ванными комнатами, большим садом и на расстоянии минимум ста десяти километров от свекрови.

Патрисия гонит прочь мысли о невестке. Раз уж она сюда приехала, то должна сосредоточиться на поставленной задаче. Хотя, конечно, очень обидно, что внуки живут так далеко. Если бы они поселились поближе, она смогла бы помогать Мэттью и Дэнис значительно больше.

При ходьбе нагруженная сумочка раскачивается и ударяется о бедро. Патрисия осторожно отводит ее в сторону. Внутри лежит цепочка Маделен, аккуратно уложенная в коробочку. При воспоминании о ней пульс Патрисии снова учащается. Она все время беспокоится, что маленькая серебряная нотка исчезнет.

Патрисия оглядывается через плечо и нервно сглатывает. Узнав, что сестра пропала, она находилась почти в семи тысячах километров отсюда с новорожденным на руках, четырехлетней, банковским счетом, по которому постоянно превышался лимит расходов, и фермой с коровами и свиньями. На организацию поездки ушло несколько дней, и когда Патрисия наконец добралась сюда, с момента исчезновения сестры уже прошла целая неделя.

Многие воспоминания того периода фрагментарны и туманны. Патрисия помнит поздние звонки в Швецию, разговоры сквозь треск телефонных линий и свои многочисленные вопросы, на которые никто не мог ей ответить. В первый раз ей позвонили из Швеции и сказали, что Маделен объявили пропавшей без вести, но поиски вскоре прекратили. Кто-то рассказал, что видел, как Маделен села в автобус, направлявшийся в Мальмё, и, хотя Патрисия объясняла, что ее сестра никогда не отправилась бы в путь, заранее не поставив в известность семью, казалось, никто ей не поверил. Приземлившись в аэропорту «Каструп», она сразу поехала в Юсшер, чтобы встретиться с людьми из прихода, работавшими вместе с Маделен, но все они говорили одно и то же. Ее сестра упаковала вещи и уехала, никому ничего не объяснив.

Поскольку расспросы не привели ни к чему, Патрисия уехала обратно в Мальмё и обратилась в полицию. Обыскала все городские больницы и hostels, ей даже помогли связаться с полицией Копенгагена, но и они не нашли следов сестры. В конце концов пришлось сдаться. Но с того самого дня, как Патрисия поднялась на борт самолета, чтобы улететь домой, ее не покидает чувство вины: много раз она задавалась вопросом, изменилось бы что-нибудь, останься она тогда в Швеции на более долгое время. Если бы она проявила больше упорства и лучше считывала смысл сказанного собеседниками, увеличились бы шансы найти Маделен?

В самом конце улицы возвышается большая желтая вила с полуциркульными окнами, белой резной верандой и зеленой жестяной крышей. Патрисия поднимает глаза. Наверное, это и есть гостиница.

Поправив воротник блузки, она задумывается, узнает ли кто-нибудь ее. Конечно, она поддерживала связь со Свободной церковью, время от времени звонила им и интересовалась, не появилась ли новая информация, но с момента ее последнего с ними разговора прошло уж точно лет десять. Патрисии не нравится признаваться себе в этом, но, пока не появилось странное письмо, она так или иначе отказалась от мысли, что когда-нибудь узнает подробности исчезновения Маделен.

При мысли о том, что стоит на кону, Патрисия чувствует, как сердце сбивается с ритма. Ей необходимо сохранять спокойствие, несмотря на бушующие в душе чувства.

Сумка на колесиках стучит по разбитому асфальту. Оглядываясь вокруг, Патрисия думает: кому-то все-таки известно, что произошло вечером поздним летом 1987 года. Кто-то хранил все эти годы цепочку Маделен, и она не уедет домой, пока не поймет, кто этот человек.

5

Эрика достает телефон и понимает, что никаких сообщений не получила. После вчерашней ссоры она надеялась, что Мартин напишет ей. Может быть, она поступила по-детски, уехав рано утром, не сказав мужу ни слова, но ей было невыносимо оставаться дома. Вчерашние события ранили так глубоко, что Эрика с трудом может представить, как вновь посмотрит мужу в глаза.

Семнадцать лет назад, когда их отношения только начинались, они с Мартином не могли вдоволь насладиться общением друг с другом. Пока Эрика готовилась к экзаменам, он обычно приезжал домой на велосипеде в обеденный перерыв, только чтобы лишний раз увидеться. Обеденный перерыв длился всего сорок минут, двадцать из них уходило на дорогу, и при этом он считал, что время, проведенное вместе, стоило усилий. В последнее время муж не способен даже перейти из гостиной в спальню, чтобы поговорить с ней. Вместо этого он громко зовет жену, если что-нибудь понадобится. Окна они моют нерегулярно и крайне редко, а близость у них случается и того реже.

Эрика выставляет чистые чашки на стол у кофемашины. Она надеялась: вот вырастут дети, появится наконец больше времени друг для друга, их любовь станет ярче. Но вышло наоборот, и то, что Мартин однажды скорее в шутку, чем всерьез назвал брачной близостью, деградировало до исполнения супружеского долга раз в два месяца. Хотя, возможно, именно так он и воспринимает теперь секс? Причем все проходит скованно и рутинно, Эрика даже начала грустить по неуклюжим перепискам в кладовке под сдвоенный смех, которые случались у них, пока малышка Эмма смотрела мультики. А ведь именно сейчас, когда она начала наконец спокойно спать по ночам, когда перестала кормить грудью и на одежде больше нет невыводимых пятен от срыгивания, к ней вернулось желание близости.

Эрика растирает шею. Она всегда воспринимала секс как нечто сугубо личное, вызывающее смущение, и в начале близких отношений предпочитала, чтобы все происходило с выключенным светом, подозревая в этом реакцию на сексуальное поведение матери – раскрепощенный стиль хиппи. Отдавая себе отчет в старомодности собственных убеждений, Эрика полагала, что в брачной близости мужчина должен первым проявлять инициативу. Господи, наверное, ей надо было сразу отреагировать, когда он впервые использовал это выражение. Однако, посвятив еще один вечер просмотру «Грязных танцев» и с завистью рассматривая сильные руки Патрика Суэйзи на талии Дженнифер Грей, она решила взяться за дело.

Эрика тут же начала искать в интернете информацию о школах танца, но вскоре поняла, что шансы затащить туда Мартина ничтожны, а если, вопреки ожиданиям, он и согласится, то уж точно никогда не наденет на себя обтягивающее белье, как у Суэйзи, и в чем тогда смысл всей затеи? Вместо этого она отправилась в ближайший книжный магазин, нашла книгу «Как добавить перца в сексуальную жизнь?» и, потупив взгляд, положила ее перед кассиром, устояв перед желанием сказать, что покупает книгу для подруги. К счастью, продавец понял, какой уровень секретности требуется Эрике для совершения подобной покупки, и, не обращая внимания на заголовок, быстро обернул книгу в бумагу, воздержавшись от шуточных комментариев типа: «А мы с моей старушкой предпочитаем кориандр».

Дома, в безопасности, она стала упражняться в том, что авторы называли «способом достижения чувственной гармонии, которым овладеет любой дурак». Книга оказалась весьма познавательной. Эрика не только наконец поняла значение выражения «ванильный секс», который оказался вовсе не извращением и негигиеничным актом, как она всегда полагала, но и изучила «Простые и эффективные способы создания интимности», и поняла, «Как разнообразить жизнь с помощью ролевых игр».

Но нет, любой дурак этими способами не овладеет.

Эрика покручивает обручальное кольцо на пальце. Воспоминания о вчерашнем вечере заставляют вновь ощутить горечь поражения и задуматься, не слишком ли она переусердствовала, сказав Мартину, что с таким отношением можно и *все* лето провести порознь.

Взяв тряпку, Эрика протирает широкий стол. Может быть, глупо с ее стороны в одиночку пытаться разжечь огонь в их отношениях вместо того, чтобы откровенно поделиться с Мартином своими чувствами, но после прочтения книги все казалось таким простым. Если верить авторам, достаточно создать в доме чувственную атмосферу, свободную от привычных ожиданий, ограничивающих требований и критики. Последние два момента, по-видимому, являют собой наиболее распространенные причины снижения мужского либидо.

Несмотря на то что некоторые советы пособия, казалось, взяты из американского сериала «Безумцы»⁵ – «Встречай супруга с улыбкой: он провел тяжелый день в офисе, ему нужно твое одобрение», – Эрика решила, что к ним стоит прислушаться. Для начала она приступила к созданию чувственной атмосферы. Каждый вечер на протяжении двух недель готовила любимые блюда Мартина, доставала изящные столовые приборы, зажигала свечи и намеренно не говорила за ужином о забытой квитанции на оплату электроэнергии, засоренной канализации или интенсивном вычесывании вшей после садика. Выслушивая рассказы Мартина о служебных неурядицах, она не перебивала его и задумчиво улыбалась, пересиливая боль от натирающих кружевных трусов, которые, если верить книге, должны придавать уверенности в себе.

Пару дней спустя Эрике казалось, что советы работают. Взгляд Мартина посветлел. Его голос уже не выражал крайнюю степень стресса, и когда он предложил запланировать вечер для просмотра фильма *вдвоем*, она внутренне ликовала.

Перед долгожданным вчерашним вечером Эрика подготовила все до мелочей. Эмме выдала деньги на кино, а Лине – планшет, разрешив просмотр YouTube, при удачном стечении обстоятельств младшая может развлекаться с ним пару часов, «хотя у меня нет никаких ожиданий», – напомнила себе Эрика. Сама она встречала мужа в прихожей все в тех же неудобных трусах, от которых в скором времени надеялась избавиться, парике блондинки и дополняющем образ коротком кожаном платье. Если верить интернет-магазину маскарадной одежды, в этом платье она похожа на Мать Драконов из «Игры престолов» – какого-то фэнтези-сериала, Мартин вроде на него подсел. Эрика честно пыталась смотреть фильм вместе с мужем, но вскоре ей это надоело: ну кого, в самом деле, могут увлечь драконы и войны?

Сейчас, задним числом, Эрика понимает: возможно, она возлагала слишком большие надежды на обычный домашний вечер с пищей, но все оттого, что ей безумно хотелось, чтобы кто-нибудь дотронулся до нее, как Патрик Суэйзи. Она даже поделала упражнения на растяжку – конечно, тоже *без малейших ожиданий*. Мартин обещал по пути домой купить ее любимую пиццу «Четыре сыра», а вино и закуски уже стояли на журнальном столике.

Первое сообщение пришло в четверть седьмого. «Извини, застрял на работе, тут кризис, пока уйти не могу». Голодная и разочарованная, Эрика присела на диван, но потом вспомнила одну из заповедей, вычитанных в книге: *понимание* – ключевое слово для успешного развития отношений. К тому же ей не хотелось разрушать чувственную атмосферу, созданную такими усилиями, поэтому она ответила Мартину, что, если он опоздает, это нестрашно.

Второе сообщение пришло полчаса спустя и тоже звучало обнадеживающе. «Система висит, но я уеду, как только мы запустим программу». На этом этапе Эрике определенно требовалось что-нибудь съесть.

Когда часы пробили восемь, она сдалась, переоделась в пижаму и засунула ужасный парик и кожаное платье вглубь гардероба. Но как только Мартин наконец вернулся домой и без всякой пиццы, Эрика почувствовала себя такой униженной, что, не дав мужу возможности объясниться, запустила в него миской с сырными палочками.

⁵ Mad Men – сериал американского режиссера Мэттью Вайнера, выходивший на ТВ-канале AMC с 2007 по 2015 год.

Она закрывает лицо ладонями. Вообще, при падении уровня сахара в крови у нее могут возникать приступы ярости, но в этот раз Эрика ощущала собственную правоту. Мартин испортил их вечер вдвоем, в тысячу первый раз предпочтя работу. И, как если бы этого было недостаточно, мужу еще хватило наглости разозлиться на нее за какие-то жалкие попавшие на него сырные палочки. Плюс миска, но, к оправданию жены, пластмассовая.

Пытаясь забыть вчерашний вечер, Эрика мотает головой. Когда Эмма была маленькая, они не придали бы подобному происшествию никакого значения. Мартин бы извинился, и она бы его простила. В те времена, в какой бы безнадежной ситуации они ни находились, им всегда было весело вместе. Первые годы молодая семья жила в обшарпанной съемной двушке с такой маленькой ванной, что выходить из нее приходилось, пятясь назад, а стиральная машина работала, только если заклинить дверцу. И тем не менее почти все воспоминания, связанные с этой квартирой, наполнены радостью. Она до сих пор помнит, как они смеялись над разлившейся кашей, поломанными вещами и ведрами, переполненными испачканными памперсами. Когда дочка разрисовала фломастером белые коллекционные кроссовки Adidas, которые привез из Нью-Йорка брат, Мартин даже не рассердился; по ночам они сменяли друг друга, укачивая Эмму и оттирая от стен следы черничного йогурта. Сейчас, напротив, складывается впечатление, будто они проживают две параллельные жизни, совсем не находя времени друг для друга.

Эрика опять берет в руки мобильный, заходит на новостной портал, и взгляд ее привлекает фотография улыбающейся пары под заголовком «Счастливы в разводе». Она быстро закрывает страницу, потому что ненавидит читать о тех, кто начал свою жизнь заново и хвастается оставленным позади браком без любви и вновь обретенным любовным пылом. Их с Мартином отношения не потеряли любовь, просто переживают временный спад. Они любят и уважают друг друга, у них двое замечательных детей. Даже думать о таком – это уже предательство по отношению ко всей семье.

Ее мрачные мысли прерывает звон колокольчика, когда кто-то открывает дверь. Осматриваясь, в гостиницу заходит женщина. Она тянет за собой сумку на колесиках, во взгляде сквозит усталость, свойственная путешественникам, проделавшим слишком дальний путь.

– Здравствуйте, – приветствует ее Эрика, улыбаясь своей самой вежливой улыбкой. – Добро пожаловать!

Достав носовой платок, женщина вытирает шею. Вид у нее обессиленный, по тонким морщинкам вокруг рта Эрика угадывает, что ей где-то около пятидесяти.

– Здравствуйте, у вас есть свободные номера?

– Конечно, – кивает Эрика и приглашает посетительницу пройти к кассе. – Издалека приехали?

– Из США, – отвечает та и достает бумажник. – Скоро сутки с тех пор, как я уехала из дома.

Эрика берет паспорт и вводит имя в систему бронирования: «Патрисия Слоэйн».

– Тогда вы, конечно, устали с дороги. Хотите чашечку кофе?

– С удовольствием.

Со времени последнего пребывания Эрики в отеле прошло около двух месяцев, но все навыки у нее словно записаны на подкорке. Она одновременно вводит данные в систему бронирования и наливает госте кофе.

– Сколько вы планируете у нас пробыть?

Женщина отпивает глоток.

– Точно не знаю. Могу ли я сообщить чуть позже?

Эрика кивает, пытается проанализировать ее акцент.

– Да, конечно. До начала высокого сезона еще далеко, поэтому всю следующую неделю у нас достаточно свободных номеров.

– Хорошо.

– Я поселю вас в номер люкс «Шекспир», госпожа Слоэйн. Он чуть меньше других номеров, но зато из него открывается вид на море.

– Звучит прекрасно. И называйте меня, пожалуйста, Патрисия.

Эрика вводит в регистрационную форму последние данные, замечая, что Патрисия изучает ее.

– Вы местная?

Эрика протягивает ключ от комнаты.

– Да. Я родилась и выросла здесь, – бодро отвечает она.

Патрисия присаживается. Густые темные волосы подстрижены в стиле «асимметричный паж», что придает ей элегантности, несмотря на простоту одежды.

– Могу ли я поинтересоваться, откуда вы знаете шведский?

Патрисия наливает в кофе немного молока.

– Крепкий, – замечает она, улыбаясь, правда, одними только губами. – Моя мама из этих мест, поэтому я с детства знаю язык.

Колокольчик звенит вновь, и в дверях появляется Мона. С утра она уже выполнила несколько трудных дел, и Эрика не видела, чтобы мать хотя бы раз присела. Даже обедала на бегу, одновременно проводя инвентаризацию запасов.

– Мама, у нас новая гостья, – говорит Эрика, подзывая Мону.

– Очень приятно, меня зовут Мона, – отвечает та с улыбкой и приподнимает бумажный пакет с овощами, – вот только отнесу продукты на кухню, и как следует поздороваюсь.

В тот момент, когда исчезает Мона, перед ними, с грохотом растянувшись на полу, появляется Лина.

– Привет, дорогуша! Как дела? – интересуется Эрика.

Лина качает головой.

– Ничего хорошего, – жалуется девочка.

– Она плохо себя чувствует? – с тревогой спрашивает Патрисия.

Лина держится за плечо.

– Что случилось? – спрашивает Эрика.

– Холера, – хнычет дочка. – В локте.

– Ничего страшного, – улыбается Эрика гостье. – Всего-навсего холера в локте.

Мона возвращается из кухни с подносом. Она надежно держит его двумя руками, но спотыкается о выпирающую половицу. Патрисия быстро соскакивает со стула и успевает подхватить поднос прежде, чем он грохнется на пол.

– Ой, спасибо, – испуганно говорит Мона, потом поворачивается к Лине. – Бедная моя малютка. Ты заболела?

– Мне нужен укол, – бормочет девочка.

– Укол я тебе сделать не могу. Но, может, тебе поможет булочка?

Лина думает секунду, потом, стремительно приняв решение, поднимается с пола.

– Ну хорошо, – заявляет она, усаживаясь у длинного прилавка. – Если мама разрешит.

– Ты только что пообедала, поэтому ешь, пожалуйста.

Эрика оборачивается к Патрисии.

– Дочке пять лет, – объясняет она. – И ее интересуют всякие редкие болезни.

– Прекрасно понимаю, – кивает Патрисия. – В этом возрасте они знают все обо всем.

* * *

Хозяйка отеля ставит на стол чашки с крупными цветами и спрашивает, не хочет ли гостья перекусить за компанию. Патрисия колеблется. Она очень устала и, на самом деле, хочет

наверх, в свой номер, но понимает, что Мона, скорее всего, знакома практически со всеми в Юшпере и должна знать ответы на некоторые из ее вопросов.

– Спасибо, с удовольствием. Только сумку поставлю и умоюсь с дороги, – соглашается она.

Вернувшись, Патрисия садится рядом с Эрикой. Весь нижний этаж отеля занимает большой зал в форме подковы, везде расставлены столы и стулья разных цветов и форм. В центре – прилавок с кассой, за ним – вход в кухню.

Мона протягивает ей чайную чашку, Патрисия делает усилие, чтобы улыбнуться. Она не сильна в светской беседе, но напоминает себе о поставленной задаче.

– Как у вас тут красиво, – начинает гостя.

– Спасибо, – благодарит Мона, наливая чай из высокого фарфорового чайника кремового цвета, с трещинкой на носике. Тоненькая линия разветвляется, образуя паутину графитно-серых черточек.

Патрисия ловит себя на мысли о том, что большая часть предметов интерьера гостиницы найдена на барахолке или в магазинах секонд-хенда, но ей нравится эта особая атмосфера. Заметно, что каждая маленькая деталь заботливо подобрана, и куда ни кинешь взор, везде лежат книги.

Над дверью звенит колокольчик, и в отель заходят две женщины. Одна из них – с крупной бижутерией, в обтягивающем платье и туфлях на шпильках. Выглядит так, словно только что вышла из модного бутика. До смешного разителен контраст со второй дамой – в длинной юбке, пляжных шлепанцах и с прозрачным солнцезащитным козырьком на голове.

– Вы как раз вовремя! – радостно восклицает Мона. – Это мои подруги, Дорис и Мариан, а это – наша новая гостя, – продолжает хозяйка. – Патрисия только что приехала из США.

– Как здорово, – откликается дама в длинной юбке. Ее пышные седые волосы заплетены в густую косу. – Я никогда не бывала по ту сторону Атлантики, но прочитала все произведения Тони Моррисон⁶ и Филипа Рота⁷, переведенные на шведский язык.

– У нас есть книжный клуб, – вставляет Мона. – Или точнее, мы как раз должны возобновить наши встречи и с нетерпением ждем, когда вновь будем вместе читать одну книгу.

– Да, но каждый читает книгу самостоятельно, – уточняет Дорис, – мы не читаем вместе.

– Она понимает, – усмехаясь, замечает Мариан. – В Штатах тоже распространены книжные клубы.

– Ну, понятное дело, – бормочет Дорис, поправляя очки.

Патрисия улыбается. Дамы разговаривают так быстро, что она с трудом улавливает смысл их слов.

– Книжный клуб – очень милая затея.

– Присаживайтесь, – приглашает Мона. – Вы ведь не возражаете, если мы составим вам компанию? – спрашивает она Патрисию и выставляет еще две чашки, не дожидаясь ответа. – Чай будете? – продолжает она. – Он ароматизирован добавками из местных фруктов.

Дорис благодарит ее и протягивает свою кружку так, чтобы Мона могла дотянуться со своим большим заварным чайником и налить горячий дымящийся напиток.

Патрисия потягивает чай с клубникой и грушей.

– Какой вкусный, – говорит она.

– Спасибо, – улыбается Мона. – Я сама приготовила эту добавку.

Мариан откидывается на спинку плетеного кресла, и Патрисия незаметно рассматривает ее. Эта элегантная женщина кажется ей знакомой, но она не может определить, где ее видела.

⁶ Тони Моррисон, урожденная Хлоя Арделия Уофффорд (1931–2019), – американская писательница, первая афроамериканка, удостоенная Нобелевской премии по литературе.

⁷ Филип М. Рот (1933–2018) – американский писатель, автор более 25 романов, лауреат Пулитцеровской и Международной Букеровской премий.

– А у тебя нет, случайно, зеленого овощного сока? – спрашивает Мариан.

– Нет, но я могу приготовить для тебя порцию. Что ты обычно в него кладешь?

– Да всего понемножку: капусту кейл, шпинат, сельдерей, зеленый горошек и немного лимона.

– Сейчас сделаю, – говорит Мона и исчезает в кухне.

– Так, а где я могу взять почитать «Гордость и предубеждение»? – интересуется Мариан. Дорис достает холщовую сумку и выкладывает на стол три экземпляра книги.

– У меня есть на всех.

– Ты купила три экземпляра одной книги?

– Это три разных издания, – отвечает Дорис, оправдываясь. – У них очень красивые обложки, и вдобавок мне действительно нравится этот роман.

Мариан оценивающе смотрит на книги.

– Подозреваю, что я по такому же принципу приобретаю обувь. «Лабутенов» много не бывает.

– Я читала, что большинство женщин ярче помнят свои первые любимые туфли, чем первый поцелуй, – кивает Мона, только что вернувшаяся из кухни с большим стаканом свежесжатого сока.

– Это, безусловно, так. Никогда не забуду пару синих замшевых сандалий, которые мне купила мама, когда собирала в первый класс. Нас связывала настоящая любовь, – говорит Мариан, отпивая глоток сока. – Как вкусно! – восклицает она и быстро опустошает стакан. – Что ты туда положила?

– Все, что ты сказала: капусту кейл, сельдерей, шпинат и лимон. Хотя получилось горьковато, и пришлось немного сдобрить сливками.

Мариан застыла.

– Там были сливки?

– Да, – отвечает Мона, – но совсем немного, сто-двести грамм, иначе пить такое невозможно.

– Я не употребляю молочные продукты, – бормочет подруга, прикрыв рот рукой.

Патрисия исподволь наблюдает за ними. Эта Мариан – не актриса ли, которая была так популярна в восьмидесятые?

– Да ладно, – говорит Мона, глядя на бледнеющее на глазах лицо Мариан. – Никто еще не умер от нескольких глотков сливок. Это одна из основ традиционной шведской кухни. Ой, смотрите, вот она, книга! – продолжает хозяйка, взяв в руки экземпляр.

– Вы читали «Гордость и предубеждение»? – интересуется Дорис, повернувшись к Патрисии.

– Да, но давно.

– Вы тоже можете взять себе, у меня дома есть еще, – объясняет она, поведя ладонью в сторону маленькой стопки книг.

Патрисия теряется, не зная, что ответить. Ей не хочется выглядеть невежливой, но она проделала такой дальний путь до Швеции не для того, чтобы вступать в книжный клуб. С другой стороны, понятно, что знакомство с этими женщинами, сидящими вокруг стола, может оказаться полезным.

Она тихо вздыхает. После исчезновения Маделен старшая сестра стала напоминать себе одинокого волка. У нее нет больше сил близко подпускать к себе людей, а общение с посторонними людьми и вовсе не интересует. Часть ее раздумывает, не спросить ли членов книжного клуба по-простому, не знают ли они что-нибудь о ее сестре, но другая призывает дождаться подходящего момента.

– Хорошо, – неуверенно говорит Патрисия.

– Как это здорово, – отвечает Дорис своим звонким голосом. – Прочитайте, сколько хотите, и, если вы все еще будете здесь, когда у нас состоится первая встреча клуба, милости просим присоединиться.

У Моны звонит мобильный, и она, извиняясь, удаляется, а Мариан в это время открывает книгу и начинает читать.

– «Гордость и предубеждение» – первая книга, которую обсуждает ваш клуб? – спрашивает Патрисия.

– Да, – кивает Дорис. – Это я предложила. А вы какие книги любите?

Патрисия задумывается. Чтение – одно из немногих удовольствий в ее жизни. Книги всегда рядом и, когда нужно, готовы помочь ей. Они обеспечивают компанию и даруют утешение, если она чувствует себя одинокой, дают отвлечься от действительности с ее многочисленными проблемами.

– Я люблю исторические романы. Вы читали «Прислугу»?⁸

– Это потрясающая вещь! – восклицает Дорис, расплываясь в улыбке.

– Я обожаю Минни, но несколько недель не могла взять в рот шоколад после того, как прочитала книжку.

Патрисия смеется. Есть что-то располагающее в эмоциональной манере речи Дорис.

– Я тоже.

– А вы читали «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков»?⁹ – интересуется Дорис.

– Да, – отвечает Патрисия. – Если бы я когда-нибудь захотела переместиться в роман, то именно его бы и выбрала. Я хотела бы жить на острове Гернси вместе с Доуси и Джулиет.

– Там, кажется, возникает очень душевная атмосфера, когда они встречаются и обсуждают книги, – продолжает Дорис. – Меня давно разбирает любопытство, что это за пирог такой, с картофельными очистками.

– Я испекла его.

– Правда? И как он по вкусу?

Патрисия чуть морщится.

– Не очень, но, полагаю, лучше шоколадного пирога¹⁰.

В этот момент возвращается Мона. С озабоченным выражением лица она задумчиво поправляет свои кудрявые светло-рыжие волосы.

– Кто это был? – любопытствует Дорис.

– Альф. Председатель деревенского совета, – объясняет Мона для Патрисии и Мариан. – У них проблемы с организацией ежегодного летнего фестиваля. Маргарета, оказывается, лежит в больнице со сломанной ногой, а ни у кого другого нет времени подготовить мероприятия. Поскольку осталось всего три недели, а программы еще нет, председатель думает, не отменить ли весь фестиваль.

Сидящая у стола и листающая газету Эрика поворачивается на стуле.

– Но, мама, ведь летний фестиваль для тебя – один из главных источников дохода, разве нет?

– Да, так.

– А что там обычно за мероприятия? – спрашивает Мариан.

– Ничего особенного. Это может быть викторина типа квеста, пара торговых киосков, турнир по игре в петанк и вечерние танцы. Но народа обычно приезжает немало.

⁸ К. Стокетт. Прислуга.

⁹ Э. Бэрроуз, М. Э. Шеффер. Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков. М., Фантом-Пресс, 2018.

¹⁰ Имеется в виду миссисипский шоколадный пирог, который готовит героиня романа «Прислуга» Минни Джексон.

– Разве мы не можем сами что-нибудь устроить? – спрашивает Дорис, перебирая свою косу.

– Что, например? – любопытствует Мона.

Дорис задумывается, потом подсказывает на стуле.

– Помните музыкальную викторину, которую проводили пару лет назад? Она пользовалась большой популярностью. Почему бы нам не провести то же самое, но про книги?

– Литературную викторину?

– Да, почему бы и нет? – ерзая на стуле, говорит Дорис. – Мы можем читать вслух отрывки из романов, которые нам нравятся, и задавать вопросы о героях. Мы даже можем подготовить реквизит. Представьте себе, пирог с картофельными очистками, только вкусный. Прекрасно впишется в концепцию «Ночлег, завтрак и книги»! Если мы проведем викторину здесь, наполним кафе платежеспособными клиентами.

Судя по выражению лица, Мона сомневается.

– Звучит прекрасно, но я не знаю, есть ли у меня время на организацию литературной викторины.

– Ну, естественно, мы тебе поможем, – говорит Дорис, поглядывая в сторону Мариан.

– Конечно, – отвечает та отсутствующим голосом и перелистывает страницу в книжке.

Оглядевшись, Патрисия замечает черные вокзальные часы, висящие на стене. За приятной беседой она совсем забыла о времени, и теперь ей нужно торопиться, чтобы успеть в канцелярию прихода до того, как все разойдутся по домам. Патрисия быстро ощупывает карманы, проверяя, на месте ли мобильный и ключи от номера; женщин из книжного клуба она успеет расспросить, когда вернется.

– Спасибо за чай, – говорит она, поднимаясь с места. – Теперь мне пора по делам.

– На здоровье, – улыбается ей в ответ Мона.

– Увидимся позже, – добавляет Дорис и машет рукой Патрисии, когда та направляется к выходу.

Снаружи дует свежий ветер, и Патрисия делает глубокий вдох. Ее удивило, насколько приветливо к ней отнеслись женщины в отеле. Во время первого визита в Юсшер жители деревушки показались ей намного более замкнутыми – теперь Патрисия задумывается, каково было Маделен, когда она впервые сюда приехала. Проявили ли они гостеприимство или отнеслись к ней так же настороженно?

Закрыв глаза, Патрисия видит перед собой сестру, с ее тугими локонами, на которые та вечно жаловалась, и широкой улыбкой, способной растопить любое сердце. Иногда, в полном одиночестве, Патрисия будто ощущает незримое присутствие Маделен. Словно несет в себе частичку сестры.

Патрисия вспоминает выражение лица Мэттью, появлявшееся при виде его тетушки Маделен. Они по-настоящему любили друг друга. У них был свой тайный язык, и никто не мог лучше успокоить плачущего Мэттью. Ударившись, он всегда стремился забраться на колени Маделен, чтобы она покачала племянника, рассказывая всякие истории до тех пор, пока тот не забудет причину расстройства.

От воспоминаний теплеет на душе, и, когда Патрисия вновь открывает глаза, ей чудится на мгновение, будто Маделен промчалась мимо в танце. Поздним умом она жалеет, что не навела справки о Свободной церкви прежде, чем Маделен отправилась сюда.

Если бы только Патрисия знала, что происходило, когда Маделен приехала в Юсшер – как была организована работа церкви и с кем общалась сестра, – возможно, удалось бы понять, куда она отправилась. Но почти ничего не известно. Церковный приход выдавал информацию крайне неохотно. О том, чем Маделен занималась в Юсшере, рассказывали очень мало. Еще со своего первого визита Патрисия не может отделаться от чувства, что церковь пытается что-то скрыть, но что именно – даже предположить трудно.

6

Среда, 20 мая 1987 года

Оранжево-белый автобус едет вдоль побережья, и Маделен не отрывает взгляда от сверкающего моря, до которого протянулись зеленые луга. Кое-где кромка воды подходит к самой дороге.

Вид на море гипнотизирует ее, и она прислоняется лбом к пыльному оконному стеклу автобуса, чтобы рассмотреть, как волны бьются о гладкие скалы. То здесь, то там появляются полосы песка, и ее наполняет внезапное желание сбросить с себя одежду и окунуться в море.

Маделен двадцать, но в море ей удалось искупаться всего несколько раз. Ферма в Мил Крик, где она выросла, расположена далеко от Атлантического побережья, и семья редко проделывала почти трехсоткилометровый путь, чтобы окунуться в океан на Вирджиния-Бич.

Проведя ладонью по оконному стеклу, она встречается взглядом с водителем автобуса в зеркале заднего вида. Теплые солнечные лучи светят со всех сторон, и от этого в салоне душно. Они едут уже больше часа по ухабистой, петляющей дороге.

Маделен пытается сориентироваться по названиям населенных пунктов на трассе, но без карты сложно понять, сколько еще осталось ехать. Достав из кармана куртки скомканную записку, она читает про себя: *Юсиер*.

Вздохнув, девушка опять косится взглядом на водителя автобуса с белой копной волос. Он обещал сказать, когда выходить, но она не уверена, хорошо ли он ее понял. А вдруг они уже проехали эту деревню?

Несмотря на теплую погоду, Маделен не снимает с себя замшевую куртку. Коричневая кожа мягкая и бархатистая, фасон модный, приталенный. Куртку ей купила Патрисия, причем обновка стоила целых тридцать пять долларов.

Каждый раз, когда Маделен думает о Патрисии, у нее сжимается сердце. Она и стыдится, что бросила ферму, и не может поверить, что наконец свободна. Целый год ей не придется подниматься в пять утра на дойку. Не понадобится беспокоиться о проблемах с вакуумным насосом и доильными стаканами, тле и галлицах, треснувшей черепице и падающих ценах на зерно.

Да, она свободна, но племянника увидит не раньше следующей весны. Перевернув записку, Маделен видит каракули, оставленные Мэттью, и все внутри обрывается.

Она проводит пальцем по нарисованному человечку. Неугомонный милый Мэттью, который заползает под одеяло и щекочет ноги, когда этого меньше всего ждешь, нашептывает на ушко свои тайны, брызгая слюной, и всегда увязывается за ней на скотный двор. Узнает ли он тетюшку, когда та вернется?

Закрыв глаза, Маделен крепко сжимает в руке записку и напоминает себе, что поездка была ее выбором. Она написала письмо пастору Линдбергу с заявкой на вакансию и подтвердила, что принимает предложенные условия, несмотря на то что Патрисия просила ее остаться. Маделен так решила, исходя из собственных интересов.

Ее охватывает ощущение спокойной уверенности, и девушка улыбается. Впереди приключение. Маделен приехала на другой конец света, чтобы испытать что-то новое. Несмотря на волнение, не нужно забывать, как она мечтала об этой поездке.

Наискосок от нее сидит пожилая дама с высокой прической узлом, в кремовой блузке, отделанной кружевом, узкой юбке по колено и темно-красных туфлях-лодочках. У дамы безупречная осанка и аккуратный макияж. На коленях – ворох пакетов из бутиков, названия которых выведены изящными золотыми буквами.

Маделен наблюдает с любопытством. Всегда интересно, каково это – покупать вещи в подобных магазинах. Зайти и взять все, что хочешь, не волнуясь о цене. Большую часть своей жизни она проходила в чиненой мешковатой одежде, доставшейся ей по наследству от сестры, а ведь Патрисия всегда была на размер крупнее.

Она удивляется, почему такая элегантная дама едет на автобусе. Дома, в США, такие особы никогда не стали бы пользоваться общественным транспортом, но здесь, похоже, люди разных социальных слоев не сторонятся друг друга.

Взгляд Маделен блуждает по салону автобуса. Перед ней сидит мужчина в темном костюме и мама с двумя маленькими детьми, размазывающими жевательную резинку по спинке сиденья, а на последних рядах салона – шумная компания подростков и потрепанного вида пара, которая то и дело прикладывает к карманной фляжке. Очень разношерстная публика.

Автобус останавливается, дама встает и идет к выходу. Пальцы усыпаны кольцами, и, несмотря на высокие каблуки и многочисленные пакеты, она плавно проплывает по салону. В этот момент Маделен замечает, что на сиденье, контрастом на страшенькой синтетической ткани, лежит забытая черная сумочка с золотой цепочкой.

Успевая подумать, что в сумочке, вероятно, немало денег и что дама, судя по ее внешнему виду и беспечности, не очень в них нуждается, Маделен резко вскакивает.

– Извините, – кричит она, одновременно хватая и протягивая вперед сумочку.

Удивленно оглядываясь на девушку, дама пытается податься назад, но пакеты застревают в проходе, и поэтому Маделен сама идет ей навстречу.

– Спасибо, – вежливо говорит дама. – Огромное спасибо.

Маделен возвращается на свое место. Она рада, что вовремя заметила сумку.

Двигаясь дальше, автобус въезжает еще в одну живописную прибрежную деревню. Маленькие ухоженные домики разных цветов выстроились в ряд, должно быть, вдоль главной улицы. Пышные кусты роз облепили белые заборы, а в глубине садов в тени узловатых яблонь расставлена садовая мебель мореного дерева. Все это похоже на сказку: Маделен с удивлением рассматривает элегантные кованые ворота, двери со стеклами в красивом переплете и многочисленные резные ставни пастельных оттенков.

Автобус останавливается, двери открываются. Маделен озирается вокруг, пытаясь понять, кто из пассажиров выходит, но с места никто не встает, и вдруг она замечает, что шофер машет ей рукой.

– Юшпер, – говорит он, указывая на улицу.

Маделен торопливо собирает вещи и несет свою маленькую дорожную сумку к выходу, но, прежде чем сойти, встречает усталый взгляд водителя.

– Мне здесь сходить? – неуверенно спрашивает она.

– Юшпер, – повторяет он, кивая в ответ.

Она раздумывает, не спросить ли, делает ли автобус еще остановки в этой деревне, но, когда мужчина с фляжкой громко вздыхает, она сходит на тротуар. Двери закрываются, автобус отъезжает и вскоре скрывается из вида.

Поставив сумку, Маделен осматривается вокруг. Чуть поодаль угадывается здание церкви, белеющее за кронами деревьев. Пастор Харольд из Мил Крик рассказывал ей, что Свободная церковь в Юшпере известна тем, что большая часть жителей деревушки являются ее членами. Многие принимают активное участие в благотворительной деятельности, в спортивном клубе при церкви играют в баскетбол и гандбол, а на богослужениях и занятиях воскресной школы всегда много прихожан. Более того, они реализуют программу международного обмена, приглашая людей со всего света.

Маделен нащупывает записку в кармане. Кроме названия населенного пункта, там еще указаны имя, адрес и номер телефона жены пастора Рут Линдберг.

Девушка отряхивает дорожную пыль с платья в цветочек. Это самое красивое платье в ее гардеробе, она надела его специально, чтобы произвести хорошее впечатление на госпожу Линдберг.

Маделен смотрит на часы. Прошло пять минут с тех пор, как она сошла с автобуса. Может быть, надо дойти до киоска, который виднеется впереди, и попросить воспользоваться телефоном? С другой стороны, она получила четкие инструкции: сойдя с автобуса на остановке в Юшере, ждать на месте.

Подул прохладный бриз. Маделен вдыхает воздух и чувствует запах моря – водорослей, соленых брызг и прибрежного тростника. Конечно, на дворе еще май, но в небе ни облачка и солнце припекает. Интересно, можно ли искупаться?

Обернувшись, Маделен видит, что к ней приближается женщина, а следом за ней – юноша. На женщине нарядное светло-зеленое платье, блестящие волнистые волосы каштанового цвета уложены в идеальную прическу – похожа на королеву Елизавету.

Выпрямившись, Маделен поправляет воротник платья.

Женщина останавливается, будто только что заметила ее.

– Маделен Грей?

– Да, это я, – отвечает Маделен.

Госпожа Линдберг раздраженно вздыхает.

– Прошу прощения, мы планировали встретить вас, когда вы подъедете. Похоже, автобус пришел раньше времени!

– Ничего страшного.

Женщина окидывает ее с головы до ног оценивающим взглядом, затем протягивает руку.

– Рут Линдберг. Можно просто Рут. – У нее сильное рукопожатие, но пальцы холодны, несмотря на жару.

– Маделен.

– Это мой сын Юнас, – улыбается Рут.

Молодой человек, которого Маделен до сих пор с трудом могла разглядеть за спиной матери, выходит вперед. Он высокий, широкоплечий, со светлыми, зачесанными назад волосами и уверенной улыбкой.

– Привет, – говорит Юнас. – Добро пожаловать в Юшер.

Он выглядит ее ровесником, Маделен не может оторвать взгляда от больших выразительных глаз юноши и пожимает его ладонь.

Маделен как раз хочет ответить ему, но Рут прерывает их.

– Как доехала? – спрашивает она.

– Спасибо, очень хорошо.

Рут берет ее под руку.

– Пойдем, – говорит она, – я покажу тебе приходской дом Стурстюган, где будешь жить. Вы будете делить комнату с Дезире. Это просто ангел, она тебе понравится. – Рут делает чуть заметный жест в сторону Юнаса, и тот подхватывает дорожную сумку Маделен.

– Он отнесет, – говорит Рут прежде, чем Маделен успеет запротестовать.

– Ладно, спасибо.

– Ты выбрала правильный день для приезда, – продолжает Рут, похлопывая ее по плечу. – Сегодня вечером в Стурстюган собрание прихода, так что сможешь со всеми познакомиться. У меня перед этим встреча клуба рукоделия, но, если хочешь, Дезире покажет тебе церковь.

– Конечно, хочу, – отвечает Маделен, обменявшись взглядами с Юнасом.

– Отлично, – говорит Рут и внезапно начинает идти в очень быстром темпе.

Маделен приходится торопиться, чтобы успеть. Туфли спадают с ног в скользких капроновых колготках.

– Я хочу, чтобы ты знала: мы очень рады твоему приезду.

– Я тоже рада, – отвечает Маделен, стараясь не споткнуться на тротуаре. – Здесь будет здорово!

Остановившись, Рут смотрит на нее.

– Ну, не знаю, я бы, наверное, так не сказала. В нашей деревне мало что происходит, правда, почти всем здесь нравится. Тебе придется потрудиться, но ты многому научишься, и те, кто проводит здесь на практике целый год, могут и дальше работать в церкви.

У них за спиной раздается смешок Юнаса:

– Да, обслуживать воскресную школу – это воистину сизифов труд. Особенно когда все они одновременно хотят в туалет, – бормочет он.

– Помолчи, – мягко одергивает его Рут, махнув рукой.

Маделен улыбается про себя.

– Я привыкла много работать, – говорит она.

– Хорошо, – кивает в ответ Рут.

Маделен опять поворачивается к Юнасу. Игра матери и сына занимает внимание, благодаря их добродушным пререканиям она чувствует себя как дома.

Когда Юнас подмигивает ей, что-то екает в груди, и все волнения разом улечиваются.

7

Суббота, 8 июня

Свободная церковь стоит на холме, поэтому найти ее нетрудно. Она размещается в красивом деревянном здании белого цвета, Патрисия знает его со своей первой поездки в Швецию и удивленно осматривается вокруг.

Сквер с небольшими цветочными клумбами и вычищенными граблями дорожками выглядит ухоженным. Патрисия пересекает его, направляясь к канцелярии прихода, расположенной с другой стороны здания. Пристройка без изысков в стиле семидесятых соединяется с церковью застекленным холлом.

Остановившись недалеко от входа, Патрисия наблюдает, что происходит внутри. Как только она замечает в канцелярии человека, внутри все замирает. По непонятной причине Патрисия нервничает.

Она вспоминает свой первый визит. Тогда все повторяли одно и то же: Маделен покинула деревню по собственной воле и они не могли с этим ничего поделать.

Патрисия неуверенно открывает дверь и заходит внутрь. Холл обставлен современной мебелью и хорошо освещен элегантными светильниками черного цвета, пол отделан натуральным камнем, а вот в канцелярии прихода время словно остановилось.

Она осторожно проходит по потертому линолеуму и направляется к первой приоткрытой двери. В офисном кресле сидит женщина и работает за компьютером.

– Да? – спрашивает она, не оборачиваясь.

Патрисия откашливается.

– Здравствуйте, меня зовут Патрисия Слоэйн. Я хотела бы побеседовать с кем-нибудь о моей сестре Маделен Грей.

Оторвавшись от компьютера, женщина встает. У нее сгорбленная спина, седые выющиеся волосы, уложенные аккуратными волнами, и на удивление живые для ее возраста глаза.

– Меня зовут Рут, – говорит она. – Думаю, мы однажды уже с вами встречались много лет назад.

Патрисия кивает. Эта женщина выглядит знакомой, но вспомнить в точности, кто она, пока не удается.

– Вы работали здесь в 1987 году, когда Маделен проходила практику?

– Да, – соглашается женщина, поправляя очки. – О чем вы хотите побеседовать?

Патрисия делает глубокий вдох.

– Я хочу узнать, не появилась ли новая информация об исчезновении моей сестры.

Рут молча изучает ее.

– Нет, к сожалению. Мы знаем не больше, чем в прошлый раз, когда вы приезжали сюда, – говорит она, немного склонив голову набок. – Но я с таким же успехом могла вам это сказать и по телефону.

Патрисия пристально смотрит на нее. Она раздумывает, не стоит ли упомянуть цепочку, чтобы посмотреть на реакцию Рут, но решает подождать, пока не опросит других, и вместо этого осматривается в крошечной канцелярии. Кресло у компьютера протерто до дыр, обои выцвели от солнца. На одной стене висит репродукция картины, изображающая Иисуса с нимбом над головой, на книжном стеллаже стоит черный бакелитовый телефон.

– Могу ли я еще с кем-нибудь поговорить? – интересуется она. – Из тех, кто знал Маделен?

– Я единственная, кто работал в церкви в те годы, – уверенно отвечает Рут.

– И вы уверены, что никто другой не обладает новой информацией?

– Нет, к сожалению. – Рут делает небольшую паузу, прежде чем продолжить. – Мне жаль, что вы понапрасну проделали такой длинный путь, но у меня довольно много работы. – Она кивает в сторону письменного стола.

Патрисия делает шаг вперед, но не переступает порога.

– Если у вас будут идеи по этому поводу, сообщите мне, пожалуйста. Я остановилась в отеле «У Моны» и буду очень признательна за любую информацию.

– Хорошо, – соглашается Рут, аккуратно притворяя за ней дверь.

Патрисия остается стоять в маленьком коридоре. Что-то в манере общения Рут огорчает ее. Упомянув Маделен, Патрисия надеялась тронуть женщину и хотела сочувствия, а та выставила ее за дверь. Ведь, в конце концов, ее сестра приехала в такую даль ради Свободной церкви.

За окном Патрисия видит группу людей, собравшихся на зеленой лужайке перед церковью. Прихожане в ярких спортивных костюмах повторяют движения за женщиной в вишневых лосинах, которая машет в воздухе палками для ходьбы.

Патрисия выходит на улицу. Даже если Рут не хочет с ней разговаривать, это вовсе не означает, что ей нельзя спрашивать других. Она медленно и осторожно приближается к одной из женщин, которая выглядит чуть старше остальных.

– Извините, – говорит Патрисия, – можно задать вам один вопрос?

Бросив на нее быстрый взгляд, женщина вновь сосредотачивает свое внимание на тренировке, скандирующей: «Подняли и вверх, подняли и вверх!»

– Конечно. Что вы хотели? – выдыхает она.

– Я хотела уточнить, не состояли ли вы или кто-нибудь другой из вашей группы в Свободной церкви в 1987 году? – деликатно спрашивает Патрисия.

Лоб перетянут спортивной повязкой, женщина периодически вскидывает голову, чтобы убрать челку.

– Нет, – говорит она на выдохе, выталкивая вверх и опуская вниз палки. – Насколько мне известно, нет, но спросите Астрид, вон она там стоит! – добавляет собеседница, указывая на женщину, стоящую немного в стороне и отчаянно пытающуюся повторять движения.

Патрисия останавливается рядом с высокой и худой Астрид, которая энергично двигается, расставив ноги на ширину плеч.

– Здравствуйте, меня зовут Патрисия, и я пытаюсь найти кого-нибудь, кто помнит мою сестру Маделен. Она работала при церкви чуть больше тридцати лет назад.

Астрид останавливается и смотрит в глаза Патрисии. По ее лицу и светло-голубым глазам пробегает подобие улыбки.

– Маделен Грей?

– Да, вы были знакомы с ней? – спрашивает Патрисия.

– Мы пели с ней вместе в хоре, – тихо говорит Астрид. – Очень милая девушка.

– Вы помните, что с ней случилось?

– Это было так странно. Однажды она просто взяла и уехала. К сожалению, я даже не представляю, по какой причине.

Патрисия горько вздыхает. Ей даже страшно подумать, сколько раз она слышала такой ответ.

– Может быть, есть кто-то еще, кого я могла бы расспросить?

Астрид задумалась.

– С Эви не пробовали поговорить?

Патрисия качает головой. Среди тех, с кем разговаривала в 1987 году, никого с таким именем она не припомнит.

– Нет. Где мне ее найти?

– Она живет на улице Сандвэген в сером доме с голубыми наличниками, – говорит Астрид, махнув рукой в сторону моря. – Мне кажется, они общались.

Патрисия чувствует, как сердце начинает биться быстрее.

– Спасибо, – торопливо бормочет она и направляется в сторону Сандвэген.

8

Среда, 20 мая 1987 года

Дезире сидит у маленького письменного столика и смотрит, как Маделен распаковывает сумку и выкладывает на кровать одежду.

– Здесь все такие дружелюбные, – говорит соседка по комнате, накручивая локон на палец.

Маделен задумчиво улыбается. Она рада, что ее поселили в одну комнату с Дезире. Новая подруга уже показала ей церковь и приходской дом Стурстюган с комнатами вдоль длинного коридора – в одной из них она будет жить. На первом этаже расположена общая ванная комната, а рядом с залом собраний – кухня, именно так Маделен и представляла себе быт студентов колледжа.

Она развешивает одежду в платяной шкаф, который примостился между комодом и письменным столом. Комната небольшая, и кровати узкие, но домотканые коврики на стенах и постеленные внахлест половики создают ощущение уюта.

Когда Маделен достает из сумки свое второе платье – кремового цвета с деревянными пуговицами, – Дезире вскакивает со стула.

– Какая прелесть! – восклицает она, выхватывая наряд из рук Маделен. – Я обожаю длинные платья, но мне трудно подобрать такую модель. Я слишком маленького роста, – признается она, закатывая глаза.

Маделен улыбается. Она не привыкла общаться с людьми, которые так много говорят. Их отец всегда был немногословен, а когда Патрисия, поступив в колледж, уехала из дома, на ферме и вовсе воцарилась тишина. Иногда они за несколько дней могли обменяться только самыми необходимыми фразами.

– Значит, США, – говорит Дезире, кружась с платьем в обнимку. – И как там живет? Маделен пожимает плечами.

– Хорошо. А как там у вас в Дании?

Дезире смеется, и ее золотистые локоны разлетаются в стороны.

– Неплохо, полагаю. Расскажи мне что-нибудь о своей семье.

Маделен ощупывает серебряную музыкальную нотку, висящую на шее. Это украшение – подарок Патрисии, Маделен всегда носит его под одеждой как талисман.

Вздыхнув про себя, девушка продолжает распаковывать вещи. Ей трудно поверить в то, что всего двое суток назад она находилась на ферме в Мил Крик. Последние часы она посвятила играм с Мэттью, убрала за коровами, отведала жаркое из цыпленка с бататом, фасолью и кукурузой, приготовленное Патрисией, попрощалась с еще не родившимся маленьким племянником.

– У меня есть старшая сестра Патрисия, которая живет на нашей ферме в Вирджинии со своим мужем Майклом и сыном Мэттью. Ему четыре года, он чудесный. Вскоре у них родится еще ребенок, мы думаем, это будет мальчик.

Глаза Дезире начинают блестеть. Над уголком рта у нее есть маленькое родимое пятнышко, и она настолько мила, что от нее трудно оторвать взгляд.

– Как это здорово! У меня нет ни братьев, ни сестер, а родители живут в Хадеруп, недалеко от города Выборг, в Ютландии. Это самое скучное место в мире, – с драматизмом говорит она.

– А мои родители умерли.

Услышав свой голос, Маделен вздрагивает. Зачем она это сказала? Не успела извиниться, а Дезире уже стоит подле нее.

– Как это грустно. Бедняжка!

– Спасибо, – смутившись, отвечает Маделен.

Кажется, Дезире не заметила, что настроение в комнате сменилось, и радостно продолжает разговор:

– Рут рассказала, что ты играешь на фортепиано и поешь.

Маделен поправляет челку. Дома из-за высокой влажности воздуха волосы обычно лежат пышной копной, но здесь воздух, похоже, суше.

– Да, это так.

– Прекрасно! Тогда сможешь помогать мне с воскресной школой. Мы с детьми много поем.

Маделен кивает.

– Ты ведь, наверное, и в хоре поешь? – спрашивает Дезире.

– Да, с шести лет.

Ей не хочется, чтобы Дезире видела, как мало у нее одежды, поэтому она подолгу возится с каждой вещью, одновременно пытаясь придумать, о чем бы спросить свою соседку по комнате.

– А сколько всего в церкви практикантов?

– Трое, – быстро отвечает Дезире. – Ты, я и Айно. Хотя они называют нас не практикантами, а адептами.

– Ладно, пусть так.

Дезире молчит и оценивающе смотрит, будто о чем-то раздумывая, потом понижает голос:

– Айно – милая, но все же я очень рада, что ты приехала.

Когда на парковке перед домом раздается шум, девушка, скользнув мимо Маделен, выглядывает в окошко.

– Пастор Линдберг идет.

Маделен, не понимая, что это означает, укладывает оставшуюся одежду в ящик комода, а Дезире хватается за плечо.

– Нам пора. Сейчас же.

Она встает перед Маделен, чтобы осмотреть ее, протягивает руку и проводит пальцем по едва заметному шраму на правой щеке.

От такого интимного жеста у Маделен возникает желание податься назад, но усилием воли она остается неподвижной.

– Откуда это? – спрашивает Дезире.

– Да так, лошадь лягнула.

Дезире серьезно кивает.

– Ты все равно красивая, – заявляет она, приглаживая волосы Маделен. – Вот так. – Открывая дверь, она весело восклицает: – Мы готовы!

Только что пустовавший зал собраний внезапно наполнился людьми, и они продолжают стекаться через настежь открытые двери. Некоторые усаживаются на выставленных в ряд светлых ротанговых креслах, другие беседуют, стоя вдоль стен. Стайка ребятишек гоняет мяч по паркетному полу, а в примыкающей к залу кухне две женщины накрывают кофейный стол. Приглушенные голоса и смех в зале сливаются в общий гомон.

Оглядываясь вокруг, Маделен смотрит на все широко раскрытыми глазами.

– Что происходит?

Дезире, которая на полголовы ниже Маделен, улыбается ей и ведет вглубь толпы прихожан. На подруге облегающее пышные формы платье длиной по колено.

– Просто короткая встреча. Пастор Линдберг на месте каждую среду, так что прихожане могут обсудить с ним, как прошла неделя. Большинство приходит немного посплетничать, – добавляет она, подмигивая.

Когда в зал заходит мужчина в белой рубашке и хлопковых брюках, народ замолкает. Маделен сразу понимает, кто это, и делает шаг вперед, чтобы лучше рассмотреть его.

Пастор Линдберг, высокий загорелый мужчина, проводит уверенным жестом по светлым русым волосам, улыбаясь всем, кто стоит вокруг.

Приоткрыв рот, Маделен следит за тем, как он обходит зал. Похоже, пастор здоровается со всеми, кого встречает на своем пути, и всем подряд пожимает руки. Большинство прихожан улыбается в ответ, и видно, что вниманием пастора гордятся.

Дезире стоит с ней рядом, крепко сжав руки. С момента приезда Маделен она еще так долго не молчала.

– Он невероятный, правда? – шепчет Дезире, не спуская глаз с пастора.

Сейчас, когда они стоят так близко друг к другу, Маделен чувствует, что от соседки по комнате исходит сладковатый запах, медовый или цветочный.

С другой стороны комнаты она замечает Юнаса – он стоит, засунув руки в карманы. Пастор и его сын поразительно похожи друг на друга: то же вытянутое лицо и прямой нос. Статные, словно римские боги.

Маделен думает, каково быть сыном столь выдающегося человека. Наверное, приятно видеть, как все вокруг восхищаются твоим отцом. Она поднимает руку, чтобы помахать ему, но Юнас смотрит в пол и не замечает ее.

Пастор оборачивается и начинает двигаться в сторону Маделен, а она не знает, на чем остановить взгляд. Девушка чувствует, как на шее проступает пот, и вжимается в стену.

Пастор Линдберг останавливается перед ней и смотрит прямо в глаза.

– Приветствую! Ты – новая девочка из Шарлотсвилла? – произносит он, улыбаясь уголком рта.

– Да, Маделен, – выдавливают она.

Пастор протягивает руки, одной крепко пожимает ее ладонь, а другой приобнимает ее.

– Маделен, – повторяет он. – Это я, пастор Линдберг. Моя жена говорит, что ты музыкально одарена. Мечтаю услышать, как ты поешь.

Девушка не знает, как ответить. Из-за большого скопления людей в зале не хватает кислорода, она пытается набрать в легкие побольше воздуха.

– Это правда, – вставляет Дезире, хотя Маделен не взяла при ней ни единой ноты.

Пастор вновь улыбается, и Маделен чувствует, как пол уходит у нее из-под ног.

– Привет, Дезире, – здоровается он мимоходом, потом, бросив последний взгляд на Маделен, отпускает ее руку и направляется к следующему человеку.

Когда пастор отошел достаточно далеко, Дезире подвигается еще ближе к Маделен.

– Ты понравилась ему, – шепчет она.

Маделен все еще стоит, прижавшись к стене. Она чувствует себя воодушевленной и истощенной одновременно.

– Правда?

– Конечно, теперь ты – часть семьи.

Маделен смахивает упавшую на глаза прядь волос. Ей нравится мысль о том, чтобы стать частью чего-то большого.

Чувствуя, как Дезире тянется к ней, Маделен берет ее за руку как раз в тот момент, когда пастор обнимает пожилую женщину в инвалидном кресле и стоящая вокруг толпа взрывается аплодисментами.

9

Суббота, 8 июня

Эви сидит у кухонного стола с кроссвордом дня. «Мизантроп, – читает она. – Девятнадцать букв».

В 15.55 выйдет новый морской прогноз погоды. Тикают кухонные часы, стрелки медленно ползут вперед, и Эви смотрит на рисунок над кофеваркой. Если присмотреться к ярким штрихам, можно различить двух держащихся за руки человечков.

Эви вздыхает. Она столько смотрела на этот рисунок, успевший стать частью интерьера, что опасается однажды вдруг перестать его замечать.

За окном Эви видит незнакомую женщину. Сдвинув очки на кончик носа, внимательно рассматривает ее. Незнакомка – женщина среднего возраста, но волосы у нее подстрижены помодному: с одной стороны короче, с другой – длиннее, и выглядят блестящими и чересчур пышными.

Эви усмехается. Что за неугомонные люди? Ну какой смысл так изощряться с волосами? Уж стареешь – так старей, возраст все равно не скроешь. Она сама всю жизнь проходила с одной и той же прической, и ничего.

Поняв, что женщина направляется к ее дому, Эви спешит. Она совсем не в настроении с кем-либо разговаривать сегодня, особенно после того, как Мариан испортила ей утро.

Хромая, она торопится в прихожую, чтобы запереть дверь на замок, и успевает повернуть ключ в замке как раз перед тем, как слышит голос за дверью. Решительный стук отзывается эхом во всем доме, и Эви отступает на шаг назад.

– Ау, кто-нибудь дома?

Эви не отвечает, но женщина все равно продолжает стучать.

– Я хотела поговорить с вами о Маделен Грей.

Внезапно обессилев, Эви прислоняется к стене. Она очень давно не слышала этого имени.

– Я хотела бы задать пару вопросов, – не унимается голос.

Слишком поздно, думает Эви. На тридцать лет опоздали.

– Уйдите прочь, – в конце концов говорит она.

Эви слышит, как женщина по ту сторону двери делает несколько шагов. Гравий шуршит у нее под ногами, но она не ушла.

Чувство неприязни охватывает Эви; опустив глаза, она видит, что у нее трясутся руки.

– Ну, пожалуйста, – повторяет женщина. – Я займу всего несколько минут вашего времени.

В матовом стекле появляется женское лицо. Эви вскакивает. Ей кажется, будто кто-то обхватил ее за шею и душит. Пытаясь глотнуть побольше воздуха, она хватается за ворот свитера.

– Уйдите прочь, – вновь шепчет она, но, когда женщина не уходит, что-то обрывается внутри. Эви отпирает замок и настежь распахивает дверь.

Женщина на крыльце делает шаг назад. Она выглядит ошеломленной, будто не понимает: если стучаться в дверь, есть шанс, что кто-нибудь все-таки откроет.

Эви уставилась на нее.

– Прочь! – шепчет она.

Женщина неуклюже протягивает вперед руку в примирительном жесте.

– Только дайте мне рассказать...

– Не приходите сюда больше, – прерывает ее Эви и трясет головой. – Вас здесь не ждут! – На последней фразе голос срывается на крик, и она захлопывает за собой распахавшуюся дверь.

Еще пару минут женщина стоит на месте, потом Эви слышит, как она уходит восвояси. Эви тихо опускается на пол, тяжело дышит и трет глаза.

Подходит кошка и начинает ластиться к хозяйке. Запустив руку в мягкую шерсть, Эви кончиками пальцев ощущает тепло. Ей не хочется думать о том, что произошло, просто нет сил.

Устроившись на хозяйских коленях, кошка переворачивается на спину; Эви закрывает глаза. Боль сдавила грудь, будто свело мышцы, и Эви напрягается, чтобы наполнить легкие воздухом.

Саба урчит и потягивается, чувствуя себя в тепле и безопасности, она скользит по ногам Эви, которая осторожно чешет кошке затылок.

– Вот так, – говорит Эви. – Ничего страшного. Все будет хорошо.

Руки все еще трясутся, и она, опускаясь ниже, ложится на пол. Пытается успокоить бешено бьющееся сердце, замедляя дыхание, но пока мысли кружатся в вихре, ничего не выходит.

10

Патрисия медленно идет обратно в отель. Веки налились тяжестью, и ее накрывает волной бездонной усталости. Шок от встречи с женщиной из серого дома еще не прошел. Непонятно, почему Эви так разволновалась, но Патрисия подозревает, что такое странное поведение должно иметь под собой основания.

Увидев куст бархатистых красных роз, останавливается понюхать. Маделен любила цветы и много раз пыталась высадить розы на ферме в Мил Крик, но они не выживали в засуху.

Патрисия вздыхает. Что она, собственно говоря, ожидала? Что кто-то из прихода внезапно вспомнит некие подробности о Маделен, о которых раньше забыли ей поведать? Или что человек, отправивший ей цепочку, проявит себя?

Подходя к гостинице BV&B, она видит, как Мона с дочерью на веранде что-то пристраивают к стене снаружи здания. Конструкция похожа на большую кормушку для птиц с полками, а на скамейке внизу лежат стопки книг.

Патрисия слегка улыбается, вспомнив их энергичные разговоры, и поднимается на веранду.

– Что это вы мастерите? – интересуется она.

– Библиотеку, – радостно отвечает Мона.

– Подозреваю, самую маленькую в мире, – смеется Эрика, похлопывая мать по плечу. – Я поднимусь наверх, проверю Лину, – говорит она и исчезает.

Патрисия озадачена. Весь отель заполнен книгами, это добавляет уюта, но ей не понять, почему Мона готова рисковать, оставляя книги здесь без присмотра.

– А вы не боитесь, что их украдут?

Мона поправляет кормушку так, чтобы она висела прямо, потом аккуратно расставляет книги.

– Люди, читающие книги, на кражу не способны, – авторитетно заявляет она. – И воры редко читают. Идея в том, чтобы можно было легко взять почитать книгу, когда захочется.

– Наверное, в этом вы правы, – задумчиво говорит Патрисия.

– Как ваши дела? Все в порядке? – интересуется Мона.

– Так себе. – Патрисия пытается скрыть, насколько разочарована, но, похоже, это не очень ей удается, потому что Мона хмурится.

– Что-то случилось?

– Дело в том, что... – начинает она, но потом ей кажется, будто не хватает воздуха.

– Пойдемте, – приглашает Мона, открывая перед Патрисией дверь. – Внутри поговорим.

Обогнув прилавок, Мона включает электрический чайник, который сразу начинает шуметь.

– Не хотите чашечку? У меня есть роскошный чай из бузины, я сама его приготовила из цветов, собранных в прошлом году.

– Да, спасибо, – еле слышно говорит Патрисия, присаживаясь на стул напротив.

Мона заваривает чай и ставит чайник на стол между ними. Совсем незнакомая Мона излучает какое-то материнское тепло, которое успокаивающе действует на Патрисию.

– Расскажите? – спрашивает владелица отеля.

Патрисия оглядывается вокруг. Если не считать пары, пьющей кофе через несколько столиков, холл отеля пустует, но она все равно понижает голос.

– Я приехала сюда искать сестру, – с грустью говорит она.

– Понимаю. Как ее имя?

– Маделен. Маделен Грей.

– И давно она пропала?

– Да, тридцать два года назад.

Мона застывает на месте, уставившись на нее.

– Тридцать два года? Но это же очень давно.

– Знаю, – кивает Патрисия.

– А почему вы ищите именно здесь, в Юшере?

Патрисия опускает в кружку серебряную чайную ложку с узорчатой ручкой и перемешивает, вызывая маленький медно-коричневый водоворот.

– Потому что она приехала сюда в 1987 году. Маделен получила место практикантки в Свободной церкви и работала здесь некоторое время, но однажды исчезла.

– Но это же ужасно! – восклицает Мона. – И вы даже не подозреваете, что могло произойти?

– Нет, абсолютно, – отвечает Патрисия. – Кто-то утверждал, что видел, как она садится на автобус до Мальмё, но Маделен никогда бы просто так не уехала, заранее не рассказав нам об этом.

– А что Церковь сказала о случившемся? – расспрашивает Мона.

– Что у них нет ни малейшего понятия о том, почему она отправилась в путь и куда направлялась. – Патрисия поднимает глаза и встречается взглядом с Моной. – Я уже приезжала сюда раньше, сразу после ее исчезновения, и тогда, мне казалось, в деревне было отделение полиции.

– К сожалению, его закрыли, – вздыхает Мона. – Как и все остальное.

– А участковый полицейский, который здесь работал?

– Густавссон скончался в 2012 году. А пастор Линдберг умер где-то в начале девяностых.

– Я читала о кончине пастора в интернете, – откликается Патрисия, делая глоток чая, напоминающего по вкусу лимон и кислые яблоки. – А что произошло с церковной общиной после его смерти?

Мона облокачивается на стол.

– Можно сказать, она теперь более открытая. Во времена пастора Линдберга она была очень изолированной. Прихожане будто жили в альтернативном мире, а сейчас они стали похожи на любую другую общину.

Патрисия кивает.

– Полагаю, вам ничего не известно о моей сестре? – осторожно спрашивает она.

– Нет, к сожалению, – отвечает Мона. – Я никогда не принимала активного участия в церковной жизни. Но я могу расспросить, помнит ли кто-нибудь вашу сестру. Кстати, Дорис и Мариан придут сегодня на ужин. Если хотите, можете к нам присоединиться и поспрашивать, известно ли им что-нибудь.

– Спасибо, – благодарит Патрисия. – Это очень любезно с вашей стороны, с удовольствием присоединюсь. Я должна попытаться найти хоть кого-нибудь, кто знал Маделен во время ее пребывания в Юшере.

Из кухни раздается пронзительный писк, Мона извиняется и исчезает. Патрисия слышит, как она, тяжело дыша, захлопывает что-то несколько раз подряд, прежде чем писк прекращается. Мона возвращается с раскрасневшимся лицом.

– Духовка барахлит. Старая уже, – бормочет она. – И что вы планируете предпринять?

– Я только что наведалься в церковь, и одна из женщин, которых я там встретила, предложила мне поговорить с кем-то по имени Эви.

Она заметила, что на последней реплике Мона затаила дыхание.

– И как? – спрашивает она с заметным напряжением.

– Не очень. Она отказалась со мной разговаривать.

– Это неудивительно, – говорит Мона, подперев щеку кулаком. – Эви... своеобразная.

– Почему?

– На самом деле, она никому не желает зла, – вздыхает Мона. – Но Эви часто ссорится с людьми и, сколько я себя помню, она всегда конфликтовала со Свободной церковью.

– Что она с ними не поделила?

– Точно не знаю, – признается Мона, сцепив руки вокруг кружки. – У Эви достаточно тяжелая судьба. У нее был сын, Матс. Чудесный мальчик: добрый, хорошо воспитанный и всегда радостный. Он часто приходил ко мне и спрашивал, нельзя ли получить остатки печенья в обмен на помощь в уборке. Называл себя экспертом по ловле «мышей-пылевок», – улыбается она. – Однажды он пошел купаться с другими деревенскими мальчишками и не вернулся.

Патрисия, сделав глоток чая, отставляет чашку в сторону.

– Что вы имеете в виду?

Мона смотрит на нее с грустью.

– Матс утонул в заливе. Никто не знает, как это произошло. Предполагалось, что купаться будут все вместе, но он почему-то отбился от мальчишеской компании, и они оставили его там одного. – Она качает головой. – Это страшная трагедия. Матс был смыслом ее жизни, и горе накрыло ее с головой.

Она замолкает, крепко сжав губы. Патрисия теряется, не зная, что сказать.

– Это действительно... ужасно.

– Да. Эви так никогда и не стала прежней. Изредка с ней можно разговаривать как раньше, но обычно она довольно резка в общении.

Патрисия кивает и чувствует, как у нее дергается глаз.

– Спасибо, что рассказали мне, – благодарит она. – День был такой длинный, я думаю, мне надо подняться к себе и немного отдохнуть.

– Конечно, – улыбается Мона. – Кстати, у нас небольшая проблема с бойлером. Если вода течет слишком холодная, скажите мне – я включу его заново.

– Ладно.

Патрисия поднимается к себе в номер, переполненная впечатлениями от прошедшего дня. Ей хочется распаковать вещи, но голова наливается усталостью, и она засыпает, едва коснувшись кровати и не успев снять туфли.

11

Четверг, 4 июня 1987 года

Маделен сидит на нагретом солнцем песке и смотрит, как Дезире и Айно играют в догонялки у кромки воды.

С момента приезда в Швецию она занята все дни напролет. Когда в общине жизнь бьет ключом, организационных задач хватает. Помимо воскресной школы адепты помогают проводить церковные обеды, готовить различные встречи, убирать общую территорию и вести баскетбольную секцию для девочек. Еще два раза в неделю они изучают Библию.

Маделен кутается в полотенце и зарывает босые ноги в песок, струящийся между пальцев. Она уже искупалась и теперь пытается согреться на солнышке.

Первые недели в Юсшере прошли замечательно. Несмотря на постоянную занятость, Маделен здесь нравится. Уже само ощущение близости моря делает ее счастливой, и она легко находит общий язык с другими адептами.

Издалека слышно, как они резвятся. Устроившись поудобнее на поросшей тростником кочке, Маделен поднимает глаза и видит, как Айно всплескивает рукой по воде и в воздухе рассыпаются сверкающие брызги.

Дезире с криком подается назад. На мгновение Айно застывает, напряженно глядя на подругу, чтобы понять, сильно ли та промокла.

Маделен заслоняет лицо рукой от солнца. Хотя им и весело вместе, она еще недостаточно знает двух других адептов.

– Все в порядке? – спрашивает Айно со своим финским акцентом. Она такая же худая, как Маделен.

Дезире все еще стоит с распростертыми руками. Курчавые волосы светятся на солнце словно нимб, благодаря купальнику с высоким вырезом на бедрах полные ноги кажутся длиннее. Иногда, когда они остаются в комнате наедине, Маделен ловит себя на том, что рассматривает Дезире. Она излучает жизненную силу, от которой трудно оторвать глаз. Кажется, Дезире нравится, когда на нее смотрят, вот и сейчас она трясет головой так, будто ее окатили целым ведром воды.

Айно неуверенно делает шаг вперед, но останавливается, услышав, как Дезире начинает от души хохотать.

– Сейчас ты у меня получишь! – кричит Айно и бросается вдогонку за Дезире.

Маделен с облегчением вздыхает, потому что не любит конфликтов.

Она молчаливо наблюдает за игрой. Дезире рассказала ей, что у Айно было трудное детство. Ее родители, судя по всему, злоупотребляют алкоголем, поэтому какое-то время она воспитывалась в приемной семье. Маделен не знает, всему ли из рассказов Дезире можно верить, но успела заметить, что Айно не такая, как они. Иногда она перестает разговаривать и во взгляде будто сквозит пустота. Девушка будто исчезает, устремляясь в параллельный мир.

Маделен щурится от ярких солнечных лучей. Огромное море глубокого синего цвета кажется бесконечным, и, хотя маленький залив защищен от его мощи, есть в волнах что-то неистовое, когда они, пенясь, бьются о берег.

Ничего подобного Маделен раньше не видела. Она смотрит снизу вверх на громадные известковые скалы, возвышающиеся над морем. Живописные утесы и необузданная природа поражают своим величием, трудно поверить, что всего в нескольких сотнях метров отсюда расположена ухоженная деревня с маленькими милыми домиками и идеальными садами.

Обернувшись, Маделен видит, что кто-то идет по песчаным дюнам. В первую секунду ей кажется, что это Юнас, и ее охватывает дрожь. С самого приезда в Юшер ей хочется пого-

ворить с ним, но сейчас она замечает, что между шиповником и кустиками вороники бредет пастор Роберт.

Страхнув с себя песок, Маделен натягивает свитер поверх мокрой футболки. Пастор Роберт – адьюнкт прихода, отвечающий за многие направления деятельности церкви. Дезире обычно шутит, что у него нет личной жизни за пределами прихода, поэтому он не пропускает ни одного церковного мероприятия.

Когда пастор Роберт приближается, Маделен поднимает руку и машет ему. Он машет в ответ. Пастор Роберт – полная противоположность пастору Линдбергу; из-за густой бороды и обтягивающих живот вязаных свитеров он немного похож на плюшевого мишку.

– Привет! – кричит он сквозь ветер.

– Привет! Вы гуляете?

– Да, – отвечает он и с трудом опускается на песок рядом с ней. – Ты уже купалась?

– Да. А вы?

Пастор Роберт смеется в ответ, и Маделен замечает, что его светлые волосы на солнце приобретают рыжий оттенок.

– Еще слишком холодно.

Воткнув в песок указательный палец, Маделен чертит маленький круг. Она не привыкла к неформальному общению с церковными руководителями, и в то же время ей нравится, что адепты могут свободно обращаться к пастору Роберту. Его практически в любое время можно найти в приходском доме или канцелярии, и разговаривать с ним легко.

– А летом здесь много приезжих? Я имею в виду туристов.

– Порядочно. В самые теплые дни на пляже бывает еще как тесно. Но поскольку Юсшер расположен немного в стороне, по-настоящему большого наплыва туристов здесь не бывает. – Немного подавшись назад, он устремляет взгляд вдаль. – Ты знаешь, что некоторые называют это место краем света?

Маделен хмурится.

– Нет, я не знала. Почему?

– Полагаю, из-за того, что оно находится на юго-восточной оконечности провинции Сконне, которая глубже всего выдается в море.

– Край света, – повторяет Маделен с улыбкой.

Пастор Роберт зачерпывает рукой песок и смотрит, как он медленно струится между пальцами.

– Как тебе у нас живется?

– Хорошо.

– А с соседкой по комнате ладишь?

Дезире смотрит в их сторону, и Маделен улыбается ей.

– Да, прекрасно.

– И мы не завалили тебя работой?

– Совсем нет.

– Ну и славно, – смеется он. – Если вдруг что-то изменится, я хочу, чтобы ты знала: ты всегда можешь поговорить со мной.

Маделен чувствует, как горят щеки. Она не привыкла к такому вниманию к собственной персоне.

– Спасибо, – бормочет она в ответ.

– Ты очень хорошо поешь и играешь на фортепиано, – продолжает он, вытирая руки о свитер. – Сколько лет, говоришь, ты пела в церковном хоре?

– С шести лет.

– Это видно. Пастор Линдберг слышал, как вы с Дезире репетировали перед занятием в воскресной школе, и был очень впечатлен.

– Вот как? Приятно слышать.

– Он хотел бы встретиться с тобой у себя в офисе.

Повернувшись к пастору Роберту, Маделен удивленно смотрит на него. За исключением служб и встреч в Стурстюган, она видела пастора Линдберга только мельком. Кажется, он всегда занят и не принимает участия в повседневной работе.

– Со мной? Зачем? – с трудом выдавила она.

Пастор Роберт наклоняется к ней чуть ближе.

– Между нами говоря, мне кажется, он хочет поручить тебе одно задание. У пастора Линдберга есть дар, он способен видеть скрытые сильные стороны людей.

Маделен крепко сцепила руки на коленях. Мысль о том, что пастор Линдберг хочет побеседовать с ней, наполняет ее каким-то странным щекочущим чувством.

Она вновь косится на Дезире, которая, усевшись на песок, выкладывает красивый узор из ракушек и прутиков, принесенных водой.

– Когда он хочет видеть меня?

Подобрав шероховатый камень, пастор Роберт взвешивает его в руке.

– Завтра, после обеда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.